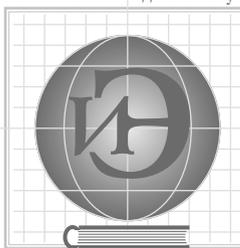

Российская академия наук

Институт экономики

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

КАРЛ МАРКС:
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ
(к 200-летию со дня рождения)

Москва
2018

ББК 65.02.
К 23.

К 23 **Карл Маркс: классика и современность (к 200-летию со дня рождения)** /
Под ред. М.И. Воейкова. – М.: ИЭ РАН, 2018. – 114 с.

ISBN 978-5-9940-0622-1

Настоящее издание приурочено к 200-летию со дня рождения К. Маркса. Обсуждаются проблемы марксизма и современности, основных его категорий и их новой интерпретации. Рассматриваются вопросы теории воспроизводства и труда в марксистской схеме, первоначального накопления капитала в постсоветской России, совместимости концепции человеческого капитала с трудовой теорией стоимости. Освещаются темы, связанные с марксизмом и пониманием истории, с экономикой и общественной средой, синтезом формационного и цивилизационного подходов, интеграцией обществоведческого знания. Особое внимание уделяется требованиям современного анализа развития политической экономики и марксизма.

ББК 65.02.

© Институт экономики РАН, 2018
© Коллектив авторов, 2018
© В.Е. Валериус, дизайн, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	8
------------------	---

Часть 1

МАРКСИЗМ КАК СОВРЕМЕННОСТЬ?

Гринберг Р.С. Марксизм — это научный протест против инфантильного либерального варварства	12
Медведев В.А. Закат марксизма или его обновление?.....	15
Воейков М.И. Сегодня марксизм «не моден»?	20

Часть 2

СТОИМОСТЬ И ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ

Абалкин Л.И. Надо начать с вопроса о стоимости.....	24
Медведев В.А. Теория стоимости: трудовая, полезностная или их синтез	28
Некипелов А.Д. О противоречиях марксовой теории стоимости	33
Ананьин О.И. В системе Маркса есть несколько теорий.....	37
Воейков М.И. О социальной версии стоимости.....	42
Медведев В.А. Теория прибавочной стоимости и современность	48
Дзарасов С.С. Марксова концепция прибавочной стоимости сохраняет свою силу	52
Никифоров А.В. Прибавочная стоимость как краеугольный камень марксистской теории	56

Часть 3
ВОСПРОИЗВОДСТВО И ТРУД
В МАРКСИСТСКОЙ СХЕМЕ

Маевский В.И.	
Почему теория воспроизводства оказалась за пределами мейнстрима?	64
Долматова С.А.	
Проблема первоначального накопления капитала в постсоветской России	68
Соболева И.В.	
Рабочая сила в современной экономике: товар или капитал?	70
Абалкин Л.И.	
Труд как таковой не является объектом продажи	78
Ананьин О.И.	
Что стоит за формой найма: продажа рабочей силы или оплата услуги?	81
Соболев Э.Н.	
Совместима ли концепция человеческого капитала с трудовой теорией стоимости?	83

Часть 4
МАРКСИЗМ И ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ

Богомолов О.Т.	
Экономика и общественная среда: взаимосвязь и взаимовлияние	88
Абалкин Л.И.	
Необходим синтез формационного и цивилизационного подходов	92
Амосов А.И.	
Принцип историзма в экономической системе К. Маркса	94
Павленко Ю.Г.	
О феномене двух культур	97

Часть 5
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И МАРКСИЗМ

Абалкин Л.И.	
Развитие политической экономии и требования современного анализа.....	102
Воейков М.И.	
Марксизм и вопросы политической экономии.....	106
Долматова С.А.	
Политэкономия и «экономикс»: соотношение.....	110

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом году исполняется 200 лет со дня рождения К. Маркса. Это большое событие в интеллектуальном развитии человечества. Конечно, к марксизму можно относиться по-разному, и это будет нормально. Люди все разные, и каждый выбирает идеологическую концепцию, которая ему ближе и больше помогает в повседневной деятельности. Для ученых-экономистов это особенно важно, ибо без идеологии экономист превращается просто в счетную машинку.

Для Института экономики РАН марксизм имеет особое значение. Официально воссозданный в системе Академии наук СССР в 1930 г., он естественным образом должен был воспроизводить и пропагандировать тогдашнюю официальную идеологию «марксизма—ленинизма». Но последний в тех условиях являл собой не столько научную идеологию, сколько политическую конструкцию обоснования разраставшегося тогда сталинского режима в стране. Многие работы сотрудников Института экономики (если не большинство) в то время были выполнены в рамках этой политической конструкции. Однако уже тогда некоторые ученые отходили от догматических положений «марксизма—ленинизма» и развивали взгляды, близкие к творческому марксизму. В их числе — И.Г. Блюмин, А.Л. Реуэль, Д.И. Розенберг и др. В 1933 г. был подготовлен «Сборник Института экономики к пятидесятилетию смерти К. Маркса» под редакцией тогдашнего директора Э.И. Квиринга. Он был издан в центральном московском издательстве «Партиздат». К 150-летию со дня рождения К. Маркса сотрудники подготовили ряд работ, из которых стоило бы в первую очередь отметить фундамен-

ную книгу Л.А. Леонтьева «“Капитал” Маркса и современная эпоха», изданную в издательстве «Наука» в 1968 г.

В постсоветскую эпоху, когда марксизм перестал быть официальной идеологией, в Институте экономики продолжались научные дискуссии по проблемам, связанным с основными положениями марксизма, преодолением догматизма и поиском новых подходов к творческому освоению классического наследия. Можно вспомнить дискуссию вокруг статьи Е. Гайдара и В. Мау «Марксизм: между научной теорией и “светской религией” (либеральная апология)», материалы которой были опубликованы в журнале «Вопросы экономики» (2004. №5, 6; 2005. №1). В 2009–2013 гг. под руководством члена-корреспондента РАН В.А. Медведева действовал научный семинар «Экономическая теория марксизма и современность», который вызвал большой интерес среди научных работников и преподавателей различных вузов Москвы.

В настоящем издании, приуроченном к 200-летию со дня рождения К. Маркса, использованы материалы сотрудников, участвовавших в семинаре В.А. Медведева. К сожалению, трое из них — Леонид Иванович Абалкин, Олег Тимофеевич Богомоллов и Солтан Сафарбиевич Дзарасов, не дожили до данного события, но высказанные ими идеи и выводы весьма содержательны и интересны и сегодня. Все материалы, вошедшие в данный сборник, по объективным причинам приводятся в сокращенном виде.

М.И. Воейков

Часть 1

МАРКСИЗМ
КАК СОВРЕМЕННОСТЬ?

Р.С. Гринберг

МАРКСИЗМ – ЭТО НАУЧНЫЙ ПРОТЕСТ
ПРОТИВ ИНФАНТИЛЬНОГО
ЛИБЕРАЛЬНОГО ВАРВАРСТВА

Историческая судьба марксизма и его экономического учения поистине уникальна. Не было и нет других концепций общественного развития, которые могли бы сравниться с ним по своей степени влияния на ход истории. Возникнув более полутора веков тому назад, он шаг за шагом овладевал сознанием революционных слоев общества, стал знаменем его преобразования. Под лозунгами марксизма в истекшем столетии произошли глубокие, хотя и неоднозначные, перемены, связанные с возникновением и распространением советской модели социализма, усилением социал-демократических тенденций в европейских странах. Своеобразное применение марксистские идеи нашли в развивающемся мире.

Поражение советского социализма и его исчезновение с политической арены тяжело отразились на авторитете марксистского учения. Начался повальный отход от марксизма, в том числе и от его экономического учения. Некоторые яростные приверженцы марксизма в одночасье превратились в его яростных критиков и сторонников современных западных теорий. Другие, напротив, не считаясь с происходящими переменами, продолжают отстаивать каждую букву марксистского учения как в его изначальном, так и в позднесоветском варианте. Третьи отделяются фигурой умолчания,

предпочитая держаться подальше от жгучих проблем современности и их непредвзятого научного осмысления. Теория марксизма практически исключена из системы российского образования. В большинстве экономических вузов преподавание строится на основе западных «экономикс», провозглашающих абсолютную свободу частного предпринимательства во имя максимизации прибыли. Но не выплескивается ли с мутной водой и живой ребенок?

Между тем опыт последнего времени показывает, что востребованность в марксизме сегодня не отпала — и не только в чисто теоретическом, но и в практическом отношении. Весьма показателен в этой связи резко возросший интерес к марксистской литературе в западных странах, обусловленный недавним мировым финансово-экономическим кризисом. В различных общественных кругах заговорили о возврате к марксизму.

Слов нет, многие положения и выводы марксизма и его экономической теории, как самые общие, так и более конкретные, нуждаются в переосмыслении. Ведь за полтора века кардинально изменился научно-технический и социально-экономический облик общества. В этих условиях отстаивание «с пеной у рта» любого положения Маркса и его последователей и тем более советской интерпретации марксизма означало бы игнорирование марксистского принципа практики как высшего критерия истины. Сохранить марксизм как действующее учение можно лишь обновляя его с учетом сегодняшних реалий, развития общественно-политической и экономической мысли.

Когда я закончил экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, в моем дипломе было написано «экономист, преподаватель политической экономии». Должен признаться, что самым мучительным уроком для меня всегда был спецсеминар по «Капиталу». Я очень быстро возненавидел К. Маркса и очень полюбил буржуазную (вульгарную, как тогда ее называли) политэкономии. Читал ночью всякие запрещенные книжки и думал — за что же нам так не повезло,

что только один Маркс знает, что было, что есть и, особенно, что будет. Конечно, мне даже в страшном сне трудно было представить, что через несколько десятилетий мне придется открывать Маркса для себя заново и где-то даже полюбить его. Это удивительная трансформация.

Сегодня сложилась целая наука о Марксе. Одни марксисты воспринимают его учение как незыблемую догму. Другие критикуют за то, что Маркс непропорционально много места уделил в «Капитале» теоретизированию вокруг категорий абстрактного и конкретного труда. Если бы он продолжил традиции классиков и обратился к анализу конкуренции, то весь механизм реального ценообразования предстал бы в совершенно ином виде — удалось бы избежать категорического противопоставления меновой и потребительной стоимости (ценности). Его теория трудовой стоимости полностью игнорировала творческий характер предпринимательской деятельности. Интеллект, как капитал особого рода, и технологические инновации, как основа поступательного развития капитализма, не стали для него предметом специального научного исследования.

С большей или меньшей степенью уверенности можно утверждать, что Маркс — моралист, Маркс — социальный мыслитель не сумел дать объективную надклассовую оценку викторианской Англии, страны, в которой уже в 1861 г. были лондонское метро и общедоступная Библиотека Британского музея, лучший в мире торговый и военно-морской флот, демократический парламент и трудовое законодательство. И все-таки Маркс, как экономист, велик и современен. И вообще, марксизм — это научный протест против либерального варварства.

В.А. Медведев

ЗАКАТ МАРКСИЗМА ИЛИ ЕГО ОБНОВЛЕНИЕ?

Вряд ли кто будет отрицать, что марксистское учение — одно из главных направлений общественно-политической мысли на протяжении полуторавековой истории, оказавшее огромное, можно сказать, беспрецедентное влияние на ход общественного развития. Сегодня же в условиях фундаментальных перемен в современном мире оно переживает глубокий кризис, вызвавший сумятицу в умах его сторонников, ликование и злорадство в стане противников. Конечно, время всему вынесет свой приговор, расставит все по своим местам, всему воздаст должное. Но мне кажется, что тем, кто впитал марксизм «с молоком матери» и вырос в его атмосфере, уповать на стихийное, самопроизвольное течение этого процесса было бы опрометчиво и вряд ли оправданно, тем более что его развенчание приобретает порой разнузданный характер, выходя за рамки научной дискуссии.

Важнейшей особенностью марксизма, отличающей его от большей части общественных теорий, является многогранность и целостность. Марксистский анализ охватил — правда, в неодинаковой степени — все сферы общественной жизни: экономику, политику, идеологию и культуру в их взаимосвязи и взаимообусловленности, что позволило ему претендовать на создание исчерпывающей концепции функционирования

и развития общества. Вместе с тем марксизм с самого начала заявил о себе не просто как умозрительная теория, научная гипотеза познания мира, а как мировоззрение, идеология, теоретическое обоснование и знамя борьбы за преобразование общества. В этом секрет беспрецедентного влияния марксизма на реальные процессы общественного развития.

Но, как известно, нередко достоинства за определенными пределами превращаются в недостатки. Не избежала этого и марксистская теория, оказавшаяся в плену однажды выработанных представлений, превратившихся в непрекращаемые истины, идеологические догмы. С самого начала она была пронизана разоблачением эксплуататорской сущности капитализма, идеей его неизбежной гибели в результате обострения классовой борьбы, неотвратимо ведущей к социалистической революции. Роль могильщика капитализма отводилась классу наемных рабочих, рожденному и выпестованному капитализмом, но враждебному ему. Такой изначальный настрой марксистской теории во многом объясним особенностями раннего капитализма, возникшего в результате так называемого первоначального накопления капитала, с его хищническими формами эксплуатации неимущих пролетариев — запредельной продолжительностью рабочего дня и нищенской заработной платой в отсутствие какого-либо государственного регулирования условий труда и социальной защиты.

Однако возникшие тогда представления о неизбежном ухудшении положения рабочего класса и его обнищании по мере развития капитализма не нашли подтверждения в реальной действительности индустриально развитых стран уже в последней трети XIX в. Под давлением рабочего движения возникли механизмы и институты защиты интересов наемных работников (социальное законодательство, страховые системы, профсоюзы, рабочие партии), открывшие возможности улучшения материального положения трудящихся в рамках демократических процессов, перспективу эволюционного социального развития.

Уже в конце XIX в. в социалистическом движении Западной Европы возникла критическая реакция на радикальный марксизм. Но он нашел горячих приверженцев в лице российских большевиков-ленинцев в стране, «беременной революцией», позднее, чем другие, вступившей на путь капитализма и страдавшей, по выражению Ленина, больше от его недостатка, чем от его развития. Дополнительный стимул радикальный марксизм получил в условиях обострения межимпериалистических противоречий, приведших к Первой мировой войне, и особенно после завоевания большевиками власти в одной из крупнейших стран мира. Произошел раскол в социалистическом движении. Под знаменами Третьего Интернационала объединились сторонники революционного марксизма разных, в том числе средне- и слаборазвитых, стран, а социалисты-реформаторы сохранили свое влияние в главных центрах капитализма.

Трансформация марксизма осуществлялась под знаком смены акцентов в трактовке соотношения революционной и эволюционной формы развития общества и перехода от капитализма к социализму. Одно дело марксизм, возникший под влиянием первоначального накопления капитала и революционных выступлений, нарождающегося пролетариата и нашедший отражение в «Манифесте коммунистической партии», а затем и в первом томе «Капитала», и другое — западноевропейский марксизм конца XIX — начала XX в., учитывающий возможности и результаты легального рабочего движения, марксизм эволюционного, социал-демократического толка. Встает вопрос, как оценить такую многовариантность марксизма во временном и пространственном измерениях. Думается, что такое разнообразие — проявление не слабости, а силы марксизма, его способности служить пониманию и изменению различных состояний общества. С этой точки зрения попытки выделения аутентичного марксизма и с его помощью оценивания его конкретных вариантов «отлучать» какие-то из них представляются несостоятельными.

Сохраняет ли марксизм свою ценность как теория познания и инструмент преобразования современного мира или он ушел в небытие вместе с неудачей планов построения полного социализма? Мне думается – сохраняет, но не в революционно-догматическом, а в обновленном виде, учитывающем исторический опыт и нынешние реалии. Нуждается в переосмыслении ряд важных проблем, в числе которых: неизбежность и роль революций как узловых моментов общественного прогресса; историческая миссия пролетариата как единственной прогрессивной силы современного общества; государство как орудие классового господства и неизбежность его отмирания. Другие положения марксистской теории также требуют серьезного обсуждения и уточнения. К ним можно отнести: периодизацию истории по общественно-экономическим формациям; взаимодействие производительных сил и производственных отношений; экономического базиса и идейно-политической надстройки; рассмотрение человека как носителя совокупности общественных отношений, в которых он живет и действует.

Наиболее глубоко и полно в марксизме разработана экономическая теория, но многие ее положения сегодня также нуждаются в переосмыслении. С момента возникновения экономической науки объектом ее исследования считается богатство народов (благополучие общества), включая источники и факторы его роста, отношения, складывающиеся между людьми, в его производстве и распределении. Не случайно проблема богатства народов вынесена Адамом Смитом в название его главного труда. Марксов «Капитал» тоже начинается со слов: «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как огромное скопление товаров, а отдельный товар как элементарная форма этого богатства»¹. Однако в дальнейшем Маркс редко обращается к проблеме создания и роста богатства общества как такового, сосредоточив внимание на

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. С. 43.

анализе экономических отношений товарно-капиталистической экономики, воплощенных в прибавочной стоимости капитала, и их превращенных форм. Даже такие ступени развития капиталистического производства, как простая кооперация, мануфактура и машинная индустрия, рассмотрены под углом зрения производства относительной прибавочной стоимости.

Думается, что ограничение объекта экономической науки производственными отношениями и исключение из него проблематики максимизации общественного продукта и благосостояния, эффективного использования ресурсов ослабило позиции марксизма в дискуссии с другими направлениями экономической мысли, в общем контексте развития экономической теории. В дальнейшем оно не лучшим образом сказалось на попытке создать экономическую теорию социализма, которая свелась к набору описательных характеристик новых общественных отношений, констатирующих «коренные отличия социализма от капитализма».

С учетом исторического опыта, глубинных технологических и институциональных перемен в современной экономике требуется переосмысление и других фундаментальных проблем марксистской экономической теории. Так, в формулу капитала как накопленного неоплаченного труда наемных работников и средства усиления их эксплуатации, концентрации и централизации капитала не вмещаются современные процессы демократизации капитала, диверсификации собственности, расширения мелкого и среднего бизнеса.

Марксистская трактовка товара, рабочей силы и наемного труда, растущей пролетаризации населения вступает в противоречие с изменением характера труда, превращением человека в носителя интеллектуального капитала. Не дает удовлетворительных ответов на проблемы современных аграрных отношений марксистская концепция земельной ренты, в особенности абсолютной. Новых подходов требуют и проблемы общественного воспроизводства, равновесия и кризисов, роли государства в современной экономике.

М.И. Воейков

СЕГОДНЯ МАРКСИЗМ «НЕ МОДЕН»?

Сегодня, конечно, марксизм «не моден», многие обществоведы его стесняются или даже стараются забыть. Но тем, кто впитал марксизм «с молоком матери» и вырос в его атмосфере, трудно перестать мыслить в марксистских категориях. Марксизм — это как таблица умножения для культурного человека. Сколько бы ему не говорили, что сегодня, при наличии электронных калькуляторов и компьютеров, знать таблицу умножения совсем не нужно, это прошлый век и т.д., он забыть или выбросить ее из головы просто физически не может. Да и сами компьютеры построены на принципах этой таблицы.

Итак, марксизм живет. Как ни странно, но после развала социализма в СССР, марксизм не только не умер, а, наоборот, демонстрирует бурное развитие. К сожалению, в основном, в западных странах. Пока и в этом отношении нынешняя Россия отстает от «цивилизованного Запада». Поэтому нам и надо, никуда не торопясь, разбираться с марксизмом и спокойно обсуждать возникающие здесь проблемы. Кардинальным является следующий вопрос: сохраняет ли марксизм свою ценность как теория познания и инструмент преобразования современного мира, или он ушел в небытие вместе с неудачей планов построения социализма в нашей стране? И другие, с этим тесно связанные: можно ли говорить о последовательной реализации марксистской теории в советской практике,

был ли «советский социализм» марксистским, есть ли у нас какая-то иная теория, которая лучше и полнее объясняет наш современный мир?

В советский период почти невозможно было поставить под сомнение то или иное положение марксизма и тем более объявить его устаревшим. А таковых было и есть немало, например, тенденция средней нормы прибыли к понижению и автоматического краха капитализма или положение об абсолютном обнищании пролетариата. Совершенно очевидно, что ни автоматического краха капитализма, ни абсолютного обнищания сегодня в мире не наблюдается. Значит, эти положения марксизма при общем подходе не подтвердились на практике, оказались неправильными, если их воспринимать буквально.

Однако будет весьма опрометчивым делать на этой основе общий вывод о том, что марксизм в целом был ошибочным или устарел. Прежде всего, надо иметь в виду, что мир капитализма не стоял на месте, он видоизменялся, и этот процесс продолжается. Менялся в том смысле, а может быть, и прежде всего, под влиянием марксистской критики и успехов социалистического движения. Поэтому просто неразумно брать конкретные описания Маркса капиталистического общества 150-летней давности и применять их к современному западному обществу. В этом смысле, конечно, марксизм устарел. Но устарел так же, как «устаревают» родители по отношению к своим детям. А если же детей еще нет, то, значит, и родители еще не устарели. Есть ли сегодня дети у марксизма — это особый вопрос, который лучше пока не затрагивать.

Обратимся к экономической теории марксизма. Разных теорий, в том числе экономических, довольно много. И нельзя сказать, что все они или многие из них плохие и ничего не стоят по сравнению с марксистской. Многие экономические, так сказать, немарксистские теории, концепции, положения знать нужно и полезно. Нелепо же считать, что экономическая теория Маркса исчерпала все и вся. Есть очень большой круг экономических явлений и процессов, которые экономи-

ческая теория марксизма вовсе не касается или нейтральна. Например, многие проблемы менеджмента и т.д. Да и многие положения самой экономической теории марксизма требуют серьезного переосмысления. Но в данном случае речь идет, собственно, о самом главном в экономике — о теориях экономического процесса, экономического строя общества. Марксизм здесь проделал колоссальную работу. Конечно, у марксистской экономической теории по этому кругу вопросов есть конкуренты, но без нее дать внятное описание этой темы, на мой взгляд, просто невозможно.

В экономической теории марксизма есть много положений, которые совершенно не устарели и которые помогают лучше понять современное капиталистическое общество. Ведь не надо забывать, что марксизм объясняет механизм рыночной экономики и эволюцию капиталистического общества. Стало быть, покада Россия находится в лоне того и другого, марксизм продолжает оставаться для нас весьма актуальной научной теорией. Конечно, это не марксизм советского образца, который под названием «марксизм—ленинизм» представлял собой искусственную идеологическую конструкцию, изготовленную в сугубо политических целях обоснования авторитарного (временами — тоталитарного) режима. Этот «марксизм», конечно, закатился, и обновлять тут нечего.

Но есть другой, действительный марксизм, который критически пересматривает не только советский «марксизм—ленинизм», но и некоторые положения классического марксизма. Вот, например, как быть с социализмом, про которого у Маркса почти ничего нет, остается неясным. То есть если общество перейдет на посткапиталистическую стадию, станет обществом «знаний», где рыночный механизм утратит свою регулирующую функцию, нужна ли будет экономическая теория марксизма? Вот в чем вопрос. Не сохранять же нам на вечные времена российский дикий капитализм с единственной целью — увековечить марксистскую экономическую теорию.

Часть 2

СТОИМОСТЬ
И ПРИБАВОЧНАЯ
СТОИМОСТЬ

Л.И. Абалкин

НАДО НАЧАТЬ С ВОПРОСА О СТОИМОСТИ

Хочу подчеркнуть, что прежде чем говорить о прибавочной стоимости, надо начать с вопроса о стоимости. Сейчас изменяются образовательные стандарты высших учебных заведений России. Пересматриваются стандарты по экономической теории. Там ряд уже традиционных блоков: макроэкономика, микроэкономика. Когда я встречался в Плехановском университете с представителями кафедры экономической теории, то они настаивали на включении раздела классической политической экономии, в том числе учения Маркса об абстрактном и конкретном труде, в обязательный курс преподавания.

Вся схема Маркса была построена на анализе совокупного общественного продукта. Она не включала туда сферу услуг. В современном виде все исследование ведется на основе валового внутреннего продукта, в который включается и вся эта нематериальная сфера. Надо сказать, что этот вопрос был поднят А. Шторхом в курсе политической экономии, написанным в 1815 г., за три года до того, как родился Карл Маркс. Маркс, естественно, анализировал работы Шторха, в том числе его дискуссию с Сэйем по поводу производительного труда. Маркс их очень подробно комментирует, поскольку Шторх убедительно показал, какие недоразуме-

ния возникают при разделении труда на производительный и непроизводительный. Если работник стрижет овцу, то это материальное производство, а если он стрижет человека, то это нематериальное. Если работник лечит корову, это материальное производство, а если оказывает услуги человеку, это непроизводительный труд. И Маркс, кстати, это отмечает, показывая в «Капитале», что надо избежать этих крайностей. Поэтому когда мы выделяем валовой внутренний продукт и считаем сферу услуг источником создания стоимости, новой стоимости, то положение о месте прибавочного продукта существенно меняется.

Очень принципиальный вопрос — это разграничение Марксом прибыли на капитал, процент и предпринимательский доход, что связано с делением капитала как собственности и как функции. Они качественно, принципиально различны. Маркс не включил это в первый том, поскольку перед ним стояла совершенно другая задача. Но если посмотреть на работы российских ученых, то все они, начиная с Пихно, Железнова, писали о четырех слагаемых стоимости: заработной плате, проценте, предпринимательском доходе и ренте. Причем надо сказать, что труд предпринимателя является частью труда совокупного работника. Он включается в производство по своему знанию управления, организации производства, инновациям, изучению рынка, обеспечению конкурентоспособности. Причем он выступает как более сложный труд, создающий в единицу времени большую стоимость, чем просто неквалифицированная рабочая сила, и получает соответственно более высокие доходы.

Беда России и, может быть, показатель ее отсталости — это соединение в одном лице собственника и предпринимателя. Они могут диктовать любые условия распределения дохода, устанавливать сами себе заработную плату или, переводя ее в дивиденд, сохранять ее как прибыль предприятия, потому что здесь другая система налогообложения. Это очень большая беда, которую надо иметь в виду. Она ведет к тем перекосам, которые у нас есть.

В свое время были работы Чаянова, посвященные теории семейного трудового хозяйства, формированию его дохода. В этих условиях живет, по крайней мере, половина из оставшихся пяти миллиардов. Там нет разделения дохода на заработную плату и прибыль. Просто нет. В семейном трудовом хозяйстве они слиты в одну категорию. Эта проблема описана опять-таки Чаяновым, когда он развивал учение о кооперации. Причем очень опасно и вредно путать кооперацию с колхозом. Колхоз — это горизонтальная, по его терминологии, кооперация. А есть вертикальная кооперация, в которой хозяином является сам работник.

Мы упустили из внимания и такую важную проблему, как произошедшую где-то в 1960—1970 гг. революцию в доходах. Сейчас большая часть граждан, рабочих и других слоев населения являются акционерами. Они получают доход от своего вклада. Можно положить деньги в Сбербанк. Если он работает вне инфляции, то вы тоже получаете доход, нетрудовой. Еще в студенческие годы мы спрашивали: есть ли в России нетрудовые доходы? Нам говорили, что вклады в сберкассу — форма нетрудового дохода, и игра на скачках — это нетрудовой доход. Но если я вкладываю деньги в акции, то я использую свои средства как капитал — собственность. Это самовозрастающая стоимость. Я пальцем о палец не ударяю, а доход получаю. Это представители нового сообщества, вероятно, среднего класса. Но это — миллионы людей.

Познание идет от конкретного к абстрактному. Это первая ступень. С этого начинали и К. Маркс, и Ф. Энгельс, с конкретных явлений. Только потом можно добраться до абстрактного, чтобы логику науки выстраивать от абстрактного к конкретному. Когда мы от конкретики отвлекаемся, то должны найти последнюю, предельную точку абстракции. И стоимость — это предельная категория, ниже которой или глубже которой абстракции в принципе не существует. Сама стоимость, как и теория стоимости, — это продукт рыночного хозяйства, чтобы к этому не добавляли. Без рыночного хозяйства нет и не может быть ни стоимости, ни теории стоимости.

Стоимость и цены — это органически связанные между собой категории, но я их уподобил бы Останкинской башне. Это движение от стоимости через цену производства, через конкретные цены, через их модификации до самой вершины. А вот корни — это стоимость. Стоимость и цена в принципе — разнокачественные категории. И нельзя цену напрямую объяснить стоимостью.

Что касается развития экономической науки, если брать конец XIX в., XX в., начало XXI в., то оно идет по пути углубления изучения цены. Создается мощнейший познавательный аппарат, объясняются цены, дается математизация вида ценообразования. Как рассматривать этот процесс? С одной стороны, это — движение вперед, это — прогресс. Точнее, мы многое можем объяснить, получить рекомендации из любых программ, даже разных научных школ современных процессов ценообразования. Но, с другой — по отношению к теории стоимости и смешению стоимости и цены — это шаг назад, одна из форм проявления кризиса современной политической экономики.

В.А. Медведев

ТЕОРИЯ СТОИМОСТИ: ТРУДОВАЯ, ПОЛЕЗНОСТНАЯ ИЛИ ИХ СИНТЕЗ

Нет необходимости говорить о том, что теория стоимости – это своеобразное ядро, гордиев узел экономической теории. И на протяжении двух и более столетий эта тема является основой научных изысканий и дискуссий. И не последнее место, конечно, во всем этом занимает марксова теория стоимости. Все мы или большинство из нас вышли из одной, марксистской утробы. В свое время работали в обстановке, когда были наложены жесткие ограничения на обсуждение и на любое отклонение от официальной идеологии, в том числе в экономической теории.

Прежде всего, надо договориться о понятийном аппарате. К этому замечанию меня побудила статья В. Чеховского (ФРГ) «О переводе марксова Wert на русский язык». Я знаю, что немецкое Wert переводилось на русский язык в разное время и как «ценность», и как «стоимость». Может, мы к слову «стоимость» уже привыкли и не замечаем тонкостей, но, как мне кажется, оно более адекватно отражает понятие Wert, во всяком случае, то, которое вкладывает в него Маркс, как кристаллизацию труда вообще.

Понятие «ценность» менее подходит для этого по двум разным причинам. Во-первых, оно этимологически связано

с понятием цены, т. е. денежным выражением стоимости. Во-вторых, оно в обиходе часто употребляется для обозначения полезностных свойств благ. Например, вкусовая, питательная, художественная, познавательная, моральная, духовная, человеческая ценность и т.д. С этой точки зрения, может быть, было бы более обоснованным закрепить это понятие за полезностью, например, назвав ее потребительной ценностью, оставив за термином «стоимость» то содержание, которое придает ему Маркс вслед за Смитом и Рикардо, т.е. кристаллизацию в товаре труда в его абстрактно-всеобщей форме. Тем самым достигалось бы более четкое терминологическое разграничение потребительной стоимости как результата производства, удовлетворяющего ту или иную потребность, и стоимости как воплощения затрат труда.

Теория стоимости, как известно, возникла, когда капитализм еще не вышел из мануфактурного периода. Даже во времена Маркса не завершился промышленный переворот в некоторых странах Западной Европы. Народное хозяйство представляло собой более или менее полный комплекс, но не очень связанных между собой отраслей — продуктов, главным образом, конечного потребления. Именно в их границах складывались общественно необходимые затраты труда. Сегодня же стоимость товаров формируется в принципиально иных условиях — с точки зрения как технического уровня, так и взаимосвязи отраслей, быстрых перемен в структуре выпускаемой продукции, уровне ее качества и взаимозаменяемости.

Поэтому формирование стоимости каждого блага, как мне кажется, следует трактовать сегодня не как локальный и даже не как отраслевой, а как процесс, протекающий в рамках народного хозяйства в целом и теперь уже далеко за его пределами на просторах мирового рынка под воздействием всей совокупности хозяйственных связей и факторов, обусловленных как полезностью, взаимозаменяемостью товаров, так и затратами труда. Формула «20 аршин холста = 1 сюртуку» сегодня как-то не очень звучит.

Маркс с присущей ему железной логикой придал трудовой концепции стоимости более строгие и, казалось бы, непротиворечивые очертания: обосновал двойственный характер труда, заключенного в товаре, разграничил и вместе с тем показал связь между стоимостью и ценой, дал этим понятиям более четкое определение, выстроил теорию происхождения и функции денег. В то же время трудовая теория стоимости у Маркса в отличие от Смита и Рикардо получила явную социально-классовую, антикапиталистическую направленность. Мне кажется, что само обращение Маркса к экономической теории, обусловленное формированием у него социалистических убеждений, объясняется возможностями трудовой теории для серьезных политических и идеологических выводов.

Я не считаю антикапиталистическую направленность теории Маркса ее негативом. Наоборот, мне кажется, именно этим объясняется огромное практическое влияние марксизма на общественно-политические и социальные процессы в мире. Но экономическую теорию нельзя сводить к анализу только производственных отношений, оставив в стороне проблематику максимизации общественной полезности и эффективности использования ресурсов. Категорическое исключение полезности и потребительской стоимости из предмета политической экономии, с моей точки зрения, обусловило определенную слабость марксистской теории стоимости.

Что касается товара и его свойств, то Маркс решительно заявляет, что натурально-вещественная его сторона – потребительная стоимость, не заключающая в себе ни атома общественных отношений, – никак не влияет на стоимость товара и поэтому не является предметом политической экономии. Но в ходе дальнейшего, строго логического анализа противоречия товара марксова мысль неоднократно попадает в ловушку. В первой главе I тома «Капитала» без каких-либо оговорок Маркс подчеркивает, что «один и тот же труд в равные промежутки времени создает всегда равные по величине стоимости, как бы ни изменялась его производительная

сила»¹. Отсюда вытекает, что величина создаваемой трудом стоимости никак не зависит от количества потребительных стоимостей, производимых в единицу времени.

Но уже в главе десятой того же I тома «Капитала» при рассмотрении относительной прибавочной стоимости и внутриотраслевых отношений между товаропроизводителями Маркс вынужден констатировать прямо противоположное: «Труд исключительно высокой производительной силы функционирует как умноженный труд, т.е. создает в равные промежутки времени стоимость большей величины, чем средний общественный труд того же рода»². Это явное признание того, что величина стоимости, создаваемой трудом, пропорциональна количеству потребительных стоимостей.

В третьем томе «Капитала» при анализе межотраслевых отношений в рыночном хозяйстве Маркс вновь натолкнулся на этот вопрос. В главе десятой содержится ряд его высказываний о том, что колебания цен под влиянием спроса и предложения являются не отклонением от стоимости, а проявлением ее. При переполнении рынка, отмечает Маркс, «рыночные цены всегда регулируются частью товаров, произведенных при наилучших условиях; мы имеем здесь дело не с рыночной ценой, поскольку она отличается от рыночной стоимости, а с различными определениями самой рыночной стоимости»³. Маркс вплотную подошел к признанию влияния общественной потребности, т.е. востребованной рынком потребительной стоимости товаров, на формирование их стоимости. И оно затрагивает не какие-то случайные, мимолетные явления рыночных отношений, а самую суть механизма внутри- и межотраслевых отношений. Эта проблематика в «Капитале» не нашла своего развития, затронута как бы вскользь.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 55.

2. Там же. С. 329.

3. Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 25. Ч. 2. М.: Госполитиздат, 1962. С. 200.

Долгое время в марксистской литературе муссировался тезис, что теория предельной полезности была реакцией на марксистскую теорию трудовой стоимости и чуть ли не на сам выход первого тома «Капитала». Однако эта версия не имеет под собой оснований. Родоначальники маржинализма не знали и не могли знать о марксистской теории, а некоторые его идеи были высказаны рядом ученых задолго до появления марксизма. Лишь позднее, когда и марксистская теория, и маржинализм получают более широкую известность, начинается публичная полемика между ними.

Маржинализм, наверное, можно считать реакцией на трудовую теорию стоимости как таковую, но не в марксистском ее толковании, а как на недооценку роли потребностей в регулировании рыночного хозяйства, условий и факторов роста общественного продукта. Правоверные же марксисты стали обвинять теорию предельной полезности в апологетике капитализма, затушевывании его классовых противоречий. Но эта критика была мимо цели — ведь по своим исходным положениям полезностная теория наименее идеологизирована, имеет дело с некими общеэкономическими понятиями и величинами.

Сегодня, когда марксизм и его экономическое учение переживают нелегкие времена, раздаются голоса в пользу полного отказа от трудовой теории стоимости и принятия концепции предельной полезности. Но, во-первых, это означало бы разрыв не только с марксизмом, но и со всей классической политэкономией. Во-вторых, теория предельной полезности, как мне представляется, не исключает, а предполагает оперирование понятием издержек и их величиной, которые так или иначе сводятся к затратам труда.

А.Д. Некипелов

О ПРОТИВОРЕЧИЯХ
МАРКСОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ

Я закончил экономический факультет МГУ. Изучение марксистской теории там было поставлено великолепно и очень творчески. Это не могло не оказать влияния на всю последующую мою идейную эволюцию. И вопрос, от которого я отталкивался, состоял в том, что, вообще говоря, есть исключения, но в общем и целом в современной экономической теории, в западном ее варианте, вообще проблематика стоимости или ценности просто отошла на второй план. Если мы будем брать учебники (по «экономикс»), то мы увидим, что там данной тематике вообще никакого внимания не уделяется. Есть проблема, которая давно отмечалась в марксистских работах (и по-моему, правильно отмечалась), что современная экономическая теория в таком западном варианте сосредоточена на анализе функциональных взаимосвязей. Ничего плохого в этом нет. Функциональные взаимосвязи надо исследовать. Но, конечно, у тех, кто воспитывался в марксистской традиции, не может не вызывать внутреннего дискомфорта (по крайней мере, у меня он всегда был) то обстоятельство, что принято оперировать категориями, которые до этого не определены.

Например, начинается практически любой учебник после каких-то вводных разделов с главы о модели потреби-

тельского выбора. Вот есть потребитель, есть у него доход, есть цены, есть система предпочтений, вот каким образом он совершает свой оптимальный выбор. Но возникает вопрос: а откуда мы знаем, что такое цены, доходы. Откуда они взялись? То есть мы, конечно, из нашей жизни все это знаем, с этим сталкиваемся. Но все-таки как-то обидно, что такого рода понятия как бы возникли из воздуха. Или переходим к теории фирмы. Вот есть издержки, есть понятие альтернативных издержек, в том числе процент на капитал. Что такое процент на капитал? Откуда он взялся? Мы знаем, что он есть в жизни, тут сомнений никаких нет. Но в учебнике по «экономике» это не отражено. А вот марксизм пытался это сделать.

Я от очень многих своих взглядов отказался. Они эволюционировали, при этом очень сильно. Причем это была не какая-то мгновенная перемена. Были промежуточные стадии. В 1994 году я пытался скрестить теорию трудовой стоимости с теорией предельной полезности. Опубликовал соответствующую статью, потом включил в свою книгу 1996 г. Потом с изумлением обнаружил (это как бы свидетельствует о моем определенном невежестве), что повторил то, что М.И. Туган-Барановский в свое время делал. Потом я от этого ушел.

Как известно, Маркс начинал с товара. На самом деле мне кажется, что он начинал не с товара, а с модели, которую назвал моделью простого товарного обращения, а в советское время ее принято было называть моделью простого товарного производства. То есть существует некая система простых товаропроизводителей, связанных разделением труда, и, соответственно, есть продукт, который производится для обменов. И в этом смысле речь идет о товаре. Но не просто о товаре, а как об элементе этой системы, этой модели. Что здесь плохого? Плохого, конечно, ничего нет, но все-таки остается целый ряд вещей, которые не объяснены: откуда возникло разделение труда, почему оно существует и т.д.

При этом я вступил в прямое противоречие с отношением Маркса к моделям робинзонады. Но все-таки мне пока-

залось, что логично начать исследование, воспользовавшись этой достаточно известной и часто применяемой в экономической теории моделью. На нее Маркс, хотя и относился к ней критически, ссылался, в том числе в отношении стоимости. И говорил, что многие определения в модели изолированного индивида, который решает проблему максимизации степени своего благосостояния, проявляются в явном виде.

Но к тому времени для себя я уже понял, что в трудовой теории стоимости есть целый ряд вещей, которые свидетельствуют о ее логических пороках. Я нисколько не обвиняю в этом Маркса, тем более известно, что одна из первых работ Маркса и Энгельса была написана на основе не трудовой теории стоимости, а теории издержек и полезности. Потом они перешли к трудовой теории стоимости.

Маркс при определении стоимости товара рабочая сила, терминологически избегая этого, в сущности, объясняет ее через цены потребительских товаров. Он говорит, что речь идет о затратах труда на производство тех товаров, которые поступают в потребление. Но легко понять, что это завуалированное признание того, что в данном случае цены определяют то, что он называет стоимостью этого блага. Есть и другое, с моей точки зрения, противоречие такому монистическому подходу, который пронизывает марксистскую теорию, — это то, что он не сумел и не смог объяснить природу процента. Говоря о проценте, ему не оставалось ничего другого, как сказать, что его величина определяется спросом и предложением. И все. А чем определяется спрос и предложение и т.д.?

У меня есть такое подозрение (я, конечно, нисколько на этом не настаиваю и убежден, что это может рассматриваться как чистой воды спекуляция), что Маркс не закончил третий том и не опубликовал его потому, что чувствовал большое количество противоречий, которые там есть, и не мог вырваться из них. Может, я не прав. Конечно, очень красиво сказать, что вот мы берем товары, что общего у них есть, что все они суть затраты абстрактной человеческой рабочей силы

и т.д. Эта аналогия с гириями, с весом — все это очень красиво и здорово. Но, вообще говоря, возникает много вопросов.

Во-первых, конечно, не решена проблема простого и сложного труда. Понятно, что легко сводить сложный труд к простому в производстве одного блага: взяли производство столов, один большее количество столов производит, другой — меньшее. Если они производят одинаковые столы, то ясно примерно как это делается. А вот как сводить к простому труд разных видов деятельности, эта проблема не решается в «Капитале» (я думаю, у многих, может быть, это вызовет протест). Говорится, что он сводится. Более того, есть такие формулировки, которые опять загоняют проблему в те самые замкнутые круги пустых рассуждений, как любил говорить сам Маркс, выступая с критикой своих оппонентов.

Поэтому я попытался оттакаиваться от того, что в рамках модели робинзонады есть человек, перед которым в сущности стоит задача максимально эффективного использования времени своей жизни. Да, труд тоже во времени измеряется. Но вообще во времени многие процессы измеряются. И максимально эффективное использование времени жизни (а в это время мы ничего не делаем, кроме того, что работаем и отдыхаем) сводится к тому, чтобы, опираясь на систему преференций человека, исследовать возможность решения этих вопросов.

О.И. Ананьин

В СИСТЕМЕ МАРКСА ЕСТЬ НЕСКОЛЬКО ТЕОРИЙ

Теория стоимости остается темой для серьезного разговора. Но есть и ощущение, что нередко мы повторяем прошлые дискуссии, хотя многое изменилось с тех пор, когда они проходили. Инерция в подходе к теме стоимости мешает посмотреть на эту проблему с современных позиций. Как мне кажется, она связана, в частности, со стремлением к монизму общеэкономической теории. Общим фоном дискуссии остается альтернатива: или теория стоимости, или теория полезности, или, наконец, их синтез — но в любом случае что-то одно. Иногда говорят, что исторически победил маржинализм. Это можно понять применительно к началу XX в., но что это означает сегодня, совсем не ясно. Во всяком случае, современная микроэкономика с маржинализмом связана, в лучшем случае, косвенно.

Главное, однако, заключается том, что при этом смешиваются два уровня знания, которые раньше действительно не различались, но по ходу развития наук, в том числе экономической, обнаружили нетождественность. Это уровень философского знания и уровень собственно научного знания. Замечу, что такое разграничение никак не умаляет значения философии. То, что философия — не наука, широко признано и самими философами. Уровень философского знания над-

страивается не только над наукой вообще, но и над конкретными областями научного знания, не исключая, по-видимому, и экономическое. Никого не удивляют понятия «философия права» или «социальная философия», тогда как «экономическая философия» звучит пока непривычно. Мое объяснение такого положения состоит как раз в том, что в период формирования экономической теории в XVIII–XIX вв. она существовала слитно с экономической философией, и до сих пор мы находимся в плену этого смещения.

То, что привлекало и привлекает до сих пор в теории Маркса — это единство, монизм объяснения экономических явлений. Но эта часть марксова наследия относится к философско-онтологическому уровню знания, который не может и не должен оцениваться и обсуждаться по меркам строго научных эмпирически проверяемых теорий. Критерии должны быть другие. Одновременно у Маркса есть концептуальные построения, которые вполне могут рассматриваться и обсуждаться как научные теории. Но нельзя сказать, что весь марксизм как экономическая или социальная доктрина — это единая *теория*. У Маркса его социально-философская концепция преследовала вполне определенные цели — она задавала определенный мировоззренческий горизонт. И это главная функция такой концепции. Без соответствующей мировоззренческой задачи разработка сложной, дедуктивно выстроенной концепции вряд ли имеет смысл.

У Маркса потребительная стоимость занимает совершенно четкое место — ее наличие фиксируется как предпосылка при анализе товара. Позиция Маркса, изложенная в первом томе, совершенно определенная. Изначально предполагается, что товар имеет потребительную стоимость. Это аксиома: то, что не имеет потребительной стоимости — не товар. Если мы это принимаем, то все остальное вполне логично и не требует добавления. Последнее может обозначить переход к новой теории, но ничего не прибавит к прежней. В десятой главе третьего тома «Капитала» у Маркса действительно есть нечеткость в трактовке роли потребительной

стоимости. Она вызвана тем, что эта стоимость уже не выступает как предпосылка, и возникает проблема соотношения между количеством блага и общественно необходимыми затратами на его производство. Новый набор предпосылок предполагает новую теорию, которой у Маркса нет.

Теперь о возможности истолковать систему Маркса как теорию. Мне кажется, что в ней есть несколько теорий. И эта многотеоретичность унаследована от предшественников. Общеизвестны противоречия, которые отмечались у Смита, скажем, в теории стоимости. Говорилось о нескольких теориях стоимости в «Богатстве народов». Но дело в том, что Смит решает там несколько разных задач. Скажем, объяснение природы богатства — одна; его измерение — другая; его распределение — третья. У Смита их решения достаточно явственно не стыкуются, что и породило критическую литературу. Маркс попытался это состыковать, и в рамках его онтологии ему это удалось. Но это не меняет того, что теоретически это разные задачи.

И если мы говорим о природе богатства, стоимости как его элементе, то здесь, мне кажется, нет спора между классической политэкономией и политэкономией Маркса, с одной стороны, и маржиналистскими теориями — с другой, потому что в последних этот вопрос просто не ставился. Фактически задача измерения богатства на макроуровне и сегодня мыслится и решается на основе классической теории. ВВП или национальный доход можно, конечно, истолковать в терминах теории полезности, но это не обойдется без словесных натяжек, по поводу которых в свое время иронизировал В. Леонтьев.

Стоимость как общественное отношение — это еще один ракурс, а возможно, и еще одна теория. Но речь идет о другом. У Рикардо стоимость — это, безусловно, затраты, в отличие от физического объема. Богатство растет, когда стоимость снижается. Другой момент — стоимость как измеритель богатства. У Смита здесь появился так называемый «располагаемый» или «покупаемый» труд. Вообще говоря, для функ-

ции соизмерения разных элементов богатства любое благо пригодно (у Смита тоже это показано). Измерять можно в деньгах, труде, некотором определении этого труда, хотя это сложно технически. Можно хоть в зубных щетках измерять богатство. Это вопрос удобства.

Стоимость как распределение. Здесь вопрос: что и как мы распределяем? Это уже ближе к первому определению, к природе богатства. Здесь возникают совершенно другие проблемы, и это совсем другая теория. В центре внимания здесь оказывается вопрос о том, кто и как участвует (или не участвует) в создании богатства. Существуют разные теории на это счет, и в принципе могут быть разные основания для формирования такой теории.

Таким образом, в теоретической системе Маркса на самом деле есть разные фрагменты, которые могут приниматься (или не приниматься) как теории. Одни — более удачные, другие — менее. У каждой из таких теорий есть своя аксиоматика, свои основополагающие предпосылки. С точки зрения этих предпосылок особых проблем с теорией Маркса я не вижу. А те проблемы, которые активно обсуждаются во вторичной марксологической литературе, отнюдь не так фундаментальны, как принято считать.

Проблема рыночной стоимости в третьем томе «Капитала» связана с тем, что Маркс пытается ввести здесь динамику изменения потребностей в свою теорию, но сама базовая теория статична, т.е. это попытка выйти за пределы исходной аксиоматики, противоречивая в своей основе. Все теории, если они научные, это некоторые схемы, которые позволяют что-то объяснить. Когда мы слишком много в них «запихиваем», то они перестают выполнять свою роль. Здесь-то у Маркса и получается смешение философского и научно-теоретического уровней знания.

Или возьмем проблему редукции труда, равно как и проблему процента. С точки зрения базовой теории Маркса здесь не существует никаких трудностей, потому что и заработная плата, и процент по Марксу — это вторичные категории. Они

получают объяснение уже на том этапе, когда соответствующие понятия выделяются из некоей базовой экономической модели. Так заработная плата вводится, когда труд становится товаром. Им может становиться и простой, и сложный труд. И то, что этот товар вторичного рынка получает определение через цены, теоретической проблемой не является. Что касается процента, то Маркс прямо пишет, что это фиктивная цена и, соответственно, у нее особый механизм формирования. Здесь и вовсе никакой теоретической проблемы для Маркса нет.

М.И. Воейков

О СОЦИАЛЬНОЙ ВЕРСИИ СТОИМОСТИ

Проблема теории стоимости и полезности очень интересная, но не очень ясная. Русские и российские ученые надолго «завязли» в дискуссии по этой теме — стоимость или полезность. Дискуссия развернулась с конца XIX — начала XX в. Тогда в ней принимали активное участие не только экономисты, но и философы. Например, известный русский философ Семен Франк 100 лет назад написал книгу «Теория ценности Маркса и ее значение» (СПб., 1900). Известно также, что Г.В. Плеханов обращался к этой книге несколько раз и даже опубликовал критическую статью «О книге С. Франка» («Заря». 1901. № 2–3). Потом философы из дискуссии выпали, и это, видимо, не случайно. С той поры в российской интеллектуальной традиции утвердились две линии, которые и сегодня присутствуют.

Некоторые исследователи доказывают, что есть некое противоречие между первым и третьим томами «Капитала», которое заключается в том, что в первом Маркс при определении стоимости исходит из фактических затрат труда, а в третьем уже учитывает общественную потребность в нем. И делается соответствующий вывод, что «Маркс вплотную подошел к признанию влияния общественной потребности, т.е. востребованной рынком потребительной

стоимости, на стоимость товара. Но эта проблематика не представляла интереса для анализа отношений товарно-капиталистического хозяйства и не нашла в марксистской экономической теории своего места»¹. На мой взгляд, это вполне реалистичный комментарий, но требующий некоторого уточнения. Действительно, Маркс в своей теории стоимости упор делал на затраты по производству товара, а не на его полезностные качества, чем увлекается теория предельной полезности. Ведь даже самый полезный продукт без затрат, прежде всего, труда, не будет иметь стоимости и, следовательно, цены. Например, воздух является самым полезным продуктом, но стоимости и цены не имеет, ибо для удовлетворения потребности в нем не требуется никаких затрат труда. Лишь затраты общественного труда (живого или овеществленного) дают основания говорить о стоимости и цене какого-либо продукта.

Маркс нигде и никогда не отрицал значение общественной потребности в формировании стоимости. Без общественной потребности или полезности продукт не становится товаром. Это элементарное положение марксистской теории стоимости. Даже в первом томе «Капитала» можно найти высказывание Маркса, что ограничителем трудозатрат выступает общественное признание. Но отсюда совершенно не следует, что стоимость есть отраслевые фактические затраты труда. Здесь Маркс подчеркивает главное, основное – субстанцией стоимости является труд, рабочее время. Более того, не всякое рабочее время определяет величину стоимости, а лишь то, которое общество признает как необходимое для производства определенного товара.

Все дело в том, как понимать и трактовать общественно необходимый труд. Некоторые, а возможно, многие, исследователи и комментаторы марксовой теории стоимости под затратами труда понимали чуть ли не фактические трудоза-

1. Медведев В.А. Вступительное слово / Экономическая теория марксизма и современность. М: ИЭ РАН, 2009. С 243.

траты индивидуального производителя. Но в более тонком комментарии марксовской теории стоимости (И. Рубина) утверждается, что общественно необходимые затраты труда – это не фактические трудозатраты, а те, которые признаются обществом, т.е. осуществляются в рамках общественной потребности в данном товаре. Ясно, что общественная потребность может быть выявлена только через полезность товара. Тем самым уже в марксовской теории стоимости находится определенное место и полезности.

Вообще говоря, эта проблема была предметом длительной и живой дискуссии в советской экономической литературе еще с 30-х гг. прошлого века. В ней столкнулись две версии трудовой теории стоимости: социальная, учитывающая общественную потребность (полезность), и механистическая, сводящая стоимость к фактическим затратам труда. Это была очень интересная дискуссия, где социальная версия очень близко подошла к теории предельной полезности, но при этом не покидала рамок марксистского анализа. Эти две версии или линии в трактовке стоимости подспудно боролись в русской литературе почти весь XX в.

Все это имело практическое значение для нормализации ценообразования в советской экономической системе. Стоял практический вопрос: как надо определять цены в безрыночном хозяйстве. Многие тогдашние экономисты считали, что это надо делать по затратам труда на изготовление определенного продукта. Конечно, из текстов Маркса можно извлекать многое, потому-то рубинцы и механисты «выдергивали» совершенно различные вещи именно из одних и тех же текстов Маркса.

В этой связи к социальной версии стоимости лучше подходит слово «ценность», а не «стоимость». Ибо термин «стоимость» в русском языке ассоциируется прежде всего с фактическими затратами, а «ценность» – с общественным оценением. Вот почему, когда получила преобладание механистическая версия стоимости, т.е. сведение последней к фактическим затратам, философы из этой дискуссии

выпали. Однако, все же немецкое слово «Wert» я бы переводил как «ценность», ибо для слова «стоимость» есть особый термин «Kosten». Более того, можно утверждать, что перевод слова «Wert» как «стоимость», утвердившийся в нашей литературе, оказался очень удобен для механистической практики не только советского «планового ценообразования», но и для соответствующего понимания социализма.

Итак, до сих пор существуют две линии или версии стоимости (социальная и механистическая), и они никак не могут «примириться». С точки зрения механистической школы надо дополнять теорию стоимости Маркса теорией предельной полезности, ибо у него доминируют фактические затраты труда без учета социальной потребности (полезности) продукта. В соответствии с социальной версией ничего дополнять не надо, ибо трудовая теория стоимости Маркса уже включает в себя момент социальной полезности товара.

Теперь насчет того, что устарело. Мне кажется, что сегодня устарело и то, и другое, и третье. Теория трудовой стоимости хороша для объяснения цены на товары массового производства, где значительную долю составляет физический или материальный труд. Вообще для чего нам нужна теория стоимости? Она необходима для объяснения цены. В «экономиксе» категории берутся как данные, наука же требует их объяснений. Экономическую теорию занимает вопрос — есть ли объективные основы у цены? И трудовая теория стоимости достаточно удовлетворительно объясняла природу цены.

Но если мы переходим к производству компьютеров (в данном случае я подразумеваю под ними железный ящик или мобильный телефон), там уже затраты материального труда, издержки материального производства не играют большой роли, потому что можно сделать более мощный компьютер с теми же самыми затратами труда. В определении цены здесь уже основную роль играет полезность. То есть в теории стоимости полезность, качество этого продукта начинают доминировать.

Почему я говорю, что это тоже устарело. Потому что, если мы переходим к интеллектуальному труду, скажем, производим информационный продукт, компьютерные программы, там вообще никакой роли не играют ни стоимость, ни затраты труда. В данном случае последние или могут быть совершенно одинаковые на продукты разной полезности и цены или вообще ничтожные по сравнению с ценой. И, главное, полезность, качество этого продукта просто не с чем сравнивать, ибо он уникален. Если появляется рыночная цена у информационного продукта (а в рыночной экономике это так и есть), то у нее нет объективной основы. Кроме того, для информационного продукта рыночной цены вообще быть не может, ибо нет здесь конкурирующего предложения. В производстве стульев или столов может принять участие множество производителей, и каждый свой продукт вынесет на рынок, где в результате конкуренции сложится равновесная цена. В информационном производстве есть только один производитель, и он диктует свою цену. Никому в голову не придет выставлять на рынке тот же самый информационный продукт, который там уже есть. Если появится другой производитель информационного продукта, то он предоставит на рынок уже другой продукт. Но конкуренции опять же не будет, ибо аналогов этого продукта нет и не будет. Стульев на рынке может быть много, информационный продукт только один. Нет смысла всем изобретать один и тот же велосипед.

Если взять движение хакеров, то оно показывает, что они за один процент рыночной цены способны копировать этот самый продукт. Стул нельзя сделать за одну десятую часть цены, надо полностью в него вложить все что требуется: и труд, и материалы. А хакерское движение — это совсем другое. И когда начинают бороться с хакерами как со средневековыми пиратами, то получается полная бессмыслица, потому что с течением времени все население земли будет хакерами. С одной стороны, рынок назначает произвольно высокую цену на информационный продукт,

с другой — заставляет миллионы людей воспроизводить его за ничтожную цену.

Итак, трудовая теория стоимости и теория предельной полезности хороши и применимы для определенных условий производства. И по большому счету они не противоречат друг другу, а последовательно замещают друг друга. Но если речь идет о новом «обществе знаний», то эти хорошие теории там не нужны. Они там ничего объяснить не могут.

В.А. Медведев

ТЕОРИЯ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Наконец мы добрались до краеугольного камня экономической теории марксизма. Как быть с ним? Отодвинуть с дороги? Оставить как есть? Или увидеть новые грани? Вместе с Марксом мы должны здесь полностью погрузиться в омут капиталистических производственных отношений, прежде всего отношений между трудом и капиталом. Общеэкономические проблемы как бы отодвигаются на второй план, и у Маркса они фигурируют лишь как ступени производства относительной прибавочной стоимости (простая кооперация, мануфактура, машинное производство).

Современная оценка теоретической и практической значимости марксовской концепции прибавочной стоимости очень важна, ибо именно она дает обоснование классовой борьбы пролетариата и социалистического преобразования общества. По своей глубине, логической строгости, доказательности марксово учение о прибавочной стоимости и капитале, безусловно, превосходит все другие теории, в том числе трактовки прибыли как платы за воздержание, награды за риски, концепцию вменения. По существу они просто игнорируют саму проблему источника прибавочной стоимости: ведь само по себе воздержание и риски ничего не создают, а формула вменения вообще носит мистический характер.

И в то же время при внимательном и непредвзятом рассмотрении марксова теория прибавочной стоимости обнаруживает некоторые пробелы, неясности, недосказанности и противоречия. До поры до времени на фоне общей критики капитализма они были незаметны, но с течением времени и усложнением экономических процессов стали все более обнаруживаться. Это относится, на мой взгляд, к общеизвестному выводу из теории прибавочной стоимости о полной противоположности интересов капитала и труда. Конечно, капиталист заинтересован в усилении эксплуатации своих рабочих, т.е. увеличении массы и нормы прибавочной стоимости. Но в действительности его интерес не ограничивается отдачей только от переменного капитала, а состоит в приращении всего капитала, т.е. в повышении нормы прибыли. При этом вполне возможен и приемлем для капитала вариант повышения нормы прибыли при неизменной и даже понижающейся норме прибавочной стоимости. И, напротив, повышение нормы прибавочной стоимости само по себе не делает для капиталиста производство более выгодным, если оно сочетается со снижением нормы прибыли.

Отсюда вытекает важный вывод: марксова теория прибавочной стоимости, обосновывая противоположность интересов капитала и труда, не исключает определенной области если не совпадения, то хотя бы отсутствия их несовместимости. Эта область очерчивается ситуациями, при которых норма прибыли растет при неизменной или даже снижающейся норме прибавочной стоимости. На начальном этапе капитализма она была довольно узкой, и стремление капитала к максимизации нормы прибыли реализовывалось главным образом за счет усиления эксплуатации рабочих путем удлинения рабочего дня и интенсификации труда, т.е. присвоения абсолютной прибавочной стоимости.

В дальнейшем, по Марксу, в механизме отношений труда и капитала, производстве прибавочной стоимости происходят глубокие перемены. С переходом к динамичному

машинному производству преобладающую роль начинает играть извлечение относительной прибавочной стоимости за счет повышения производительности труда, снижения стоимости товаров, определяющих стоимость рабочей силы, при этом расширяется круг товаров и услуг, необходимых для нормального воспроизводства рабочей силы. А с развитием рабочего движения и трудового законодательства возможность извлечения абсолютной прибавочной стоимости снижается или вообще исчезает. Это означает сужение области противоречий труда и капитала и, напротив, расширение границ непротиворечивости их интересов. Еще более серьезные перемены в этом отношении порождаются современными процессами развития производства постиндустриального типа.

Здесь мы сталкиваемся с коренным вопросом приложения марксовской теории прибавочной стоимости к современным условиям — какова динамика стоимости рабочей силы, а значит, и нормы прибавочной стоимости? У Маркса однозначный вывод — под воздействием производительности труда стоимость рабочей силы снижается, а норма прибавочной стоимости растет. В то же время норма прибыли под влиянием роста органического строения капитала падает. Эти выводы сделаны чисто логически, не подкреплены какими-либо статистическими данными. Я не уверен, возможны ли вообще такие выкладки. Но и вывод о снижении стоимости рабочей силы не вытекает из исходных посылок Маркса. Ведь на нее влияет не только снижающаяся стоимость благ, но и расширение потребностей людей. У Маркса это признается как исторический и социальный момент в определении стоимости рабочей силы, лишь корректирующий ее снижение. На самом деле это две противоположные, но взаимосвязанные тенденции, имеющие общую основу — развитие человека.

Во всяком случае, говорить о снижении стоимости рабочей силы в постиндустриальной экономике, когда всерьез встает вопрос о превращении ее в человеческий капитал, не

приходится. Нельзя не учитывать и того, что процесс воспроизводства рабочей силы выходит за рамки ее купли-продажи и заработной платы. Все большую долю расходов по воспроизводству рабочей силы берет на себя государство, растут социальные расходы корпораций и частного капитала. Одним словом, вывод о снижении стоимости рабочей силы и повышении нормы прибавочной стоимости, т.е. степени эксплуатации рабочих путем извлечения относительной прибавочной стоимости, применительно к современным условиям требует критического переосмысления.

С.С. Дзарасов

МАРКSOBA КОНЦЕПЦИЯ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ СОХРАНЯЕТ СВОЮ СИЛУ

Смит, Рикардо, Маркс, Милль и их современники рассматривали лишь ту модель капитализма, которая существовала в их времена в Англии и Северной Америке. При этом они полагали, что эти страны показывают остальным картину ожидающего их будущего. Но этот прогноз оправдался лишь частично. Народы Западной Европы действительно вступили на капиталистический путь развития, но одновременно с этим началась борьба за мировое господство, в которой менее развитые страны стали разменной монетой. Развитые игроки на мировой арене не только не повели за собой неразвитых, а встали на пути их прогресса, так как подчинили их своим интересам. Мир сейчас представляет собой пирамиду, на вершине которой разместились страны *привилегированного* капитализма, а ее основание составляют страны *ущемленного, периферийного* капитализма. Такое разграничение, мне кажется, многое объясняет.

Раскол мира на центр и периферию создал ситуацию подчинения мировых ресурсов интересам развитых стран. Благодаря этому они превратились в «государства всеобщего благосостояния» и таким образом смягчили угрожавшие им раньше социальные конфликты, которые потрясают теперь не столько центр мирового капитализма, сколько его пери-

ферию. Развитые страны смогли подавить революционное и социалистическое движение, но тем самым способствовали появлению новой угрозы — международного терроризма, особенно опасного со стороны исламского фундаментализма. Но так как эталоном капитализма по-прежнему считаются развитые страны, то возникает иллюзия того, что он в целом, как система, приобрел человеческое лицо.

Однако наш собственный пример является наиболее ярким показателем того, что марксистская характеристика капитализма остается в силе. Поскольку мы превращаемся в страну периферийного капитализма, то у нас система эксплуатации труда капиталом выступает в самом неприкрытом виде. Целью капиталистического хозяйства при всех условиях, конечно же, остается извлечение прибавочной стоимости и ничто другое. Происходит ли усиление эксплуатации работников предпринимателями и обострение противоречий между ними? Да, конечно. Этот вывод относится к периферийному капитализму не меньше, чем к раннему капитализму центра.

Что касается нормы эксплуатации (прибавочной стоимости) в условиях удорожания стоимости воспроизводства рабочей силы и сокращения рабочего времени, то мир настолько разнообразен, что может быть как повышательная, так и понижательная тенденция. В развитых странах эта норма, скорее, понижается, о чем говорит возросшая доля заработной платы в валовом продукте. В периферийных странах, в том числе в России, где эта доля низка, скорее, происходит повышение нормы прибавочной стоимости. У нас это подтверждается также рекордным темпом роста числа долларовых миллиардеров при обнищании основной части населения и возросшей его смертности.

Сказанное не означает, что в постиндустриальную эпоху капитализм остается точно таким же, каким он был во времена Маркса. Наоборот, он изменился во многом. В частности, предприниматели развитых стран научились находить компромисс с людьми наемного труда, а последние, в свою

очередь, более результативно отстаивать свои права. Стала более завуалированной и система эксплуатации, опутавшая теперь не только физический, но и интеллектуальный труд, который используется теперь с возросшей во сто крат эффективностью, но только для капитала.

В рамках подчинения интеллекта нуждам капитала следует рассматривать также апологетическую функцию неоклассической теории, прежде всего ее трактовку капитала и прибыли. Капиталом объявляется все то, чем располагает человек. Отсюда теория «человеческого капитала», согласно которой все люди «капиталисты», поскольку каждый чем-нибудь обладает, хотя бы своей рабочей силой. Но в таком случае понятие капитала теряет свою определенность. Выходит, что индийский кули со своей тачкой для извоза людей такой же «капиталист», как тот, кто ворочает много миллиардным состоянием. Исключительно хорошая теория для одних, но едва ли благоприятная для других.

Апологетическая сущность неоклассической теории отчетливо проявляется также в ее трактовке первоначального накопления капитала и объяснении источника прибыли. По марксистской теории, первоначальное накопление капитала осуществляется методом насильственного захвата (экспроприации) чужой собственности. При этом она исходит из исторической реальности огораживания земель в Англии, захвата земель аборигенов колонизаторами, использования рабского труда в Америке и т.д. Наконец, блестящим подтверждением этой теории в наши дни явилась насильственная приватизация народной собственности в бывших социалистических странах.

Закрывая глаза на все это, неоклассическая теория утверждает, что своим возникновением капитал обязан таким добродетелям протестантской этики, как трудолюбие, бережливость и воздержание. Выходит, что наши олигархи обогатились не в одночасье, а кропотливо трудились во многих поколениях, отказывали себе в самом необходимом, до неузнаваемости исхудали и за счет бережливости скопили

наконец свои состояния. Что касается захвата чужой собственности, то такую возможность неоклассическая теория вообще исключает из рассмотрения.

Не более убедительно, хотя более изящно оформлено, и доказательство происхождения прибыли. Этой цели служат формула и график производственной функции Кобба–Дугласа, согласно которым выпуск продукции (Y) является функцией двух факторов производства: труда (L) и капитала (K). Каждый из них утверждается в рассматриваемой теории, вознаграждается предельным продуктом, точно отражающим его вклад в производство: труд — заработной платой, а капитал — прибылью. Таким образом, неоклассическая теория утверждает, что доход капиталиста не имеет никакого отношения к труду. Своим созданием и возрастанием прибыль обязана исключительно созидательной, инновационной функции капиталиста, она обусловлена его творчеством. Богатые потому богатые, что они умны и трудолюбивы, а бедные потому бедные, что они ленивы и бездарны. Так, например, ученые Российской академии наук получают низкую заработную плату, говорит эта теория, ввиду своей ленивости и бездарности, а 87 российских миллиардеров приобрели свои состояния исключительно за счет усердия и дарования. Поэтому работник не может иметь каких-либо претензий к капиталисту, а следовательно, для классовой борьбы нет никаких оснований.

Из сказанного должно быть ясно, что марксистская теория капитала и прибавочной стоимости заменяется на неоклассические догмы вовсе не по научным соображениям, а исходя из идеологических интересов российского правящего класса.

А.В. Никифоров

ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ
КАК КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ
МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ

Я думаю, что действительно непреходящей заслугой Маркса является открытие того организма, в рамках которого развивается общество. И до Маркса рассматривались в качестве такового то цивилизация, то отдельные аспекты, которые развивали меркантилисты, физиократы и т.д. Но именно ему принадлежит данная заслуга.

Маркс рассматривал эту систему в совершенно определенных условиях, когда капитализм был не просто на подъеме, а происходила, я бы сказал, некая автономизация человека. Человек наконец получил возможность свободно организовывать производство, вообще устраивать жизнь независимо от государства, от того, что было до капитализма. Человек свободен. Он может работать, действовать, что-то создавать.

Но Маркс рассматривал уже развитый для того времени капитализм, английский, где присутствовал момент экономической эйфории, когда казалось что именно экономические отношения решают абсолютно все, и они составляют суть развития. Естественно, что это обстоятельство сыграло определенную роль в марксистской теории, но уже в дальнейшем не столь положительную. Когда выяснилось, что не только экономические, производственные отношения играют

существенную роль, но и вся общественная система, включающая значительно более широкий круг отношений, то стало понятно, что первые не всегда, во всяком случае, на какой-то период, становятся основными.

Маркс развивал свою теорию, исходя из товарных отношений, начинал с товара. Вся непротиворечивость теории Маркса, теории капитала построена на раскрытии возможностей и осуществлении эквивалентности отношений во всем, вплоть до отношений, связанных с рабочей силой. В реальности же объяснить развитие общества, общественную систему, исходя только из товарных отношений, нельзя. В любом обществе, в том числе и в том, которое исследовал Маркс, есть и другие отношения, влияющие на всю их систему, на него в целом. В частности, это и политические отношения, и само государство.

Надо обратить внимание на то, что нельзя все выводить только из феномена товарных отношений. Не может быть построена реальная система общества, в том числе теоретически, которая исходит только из одного принципа — эквивалентности отношений. Всегда сочетаются разные начала, в том числе связанные и с эквивалентностью отношений, и с их неэквивалентностью. В конце концов, такова природа самого человека.

Кстати говоря, абсолютизация Марксом товарных, рыночных отношений (как угодно их можно называть) явилась основой двух противоположных теорий. С одной стороны, были (я имею в виду советское время) товарники, которые тогда полагали, что товарные отношения должны охватить все стороны общества, с другой — антитоварники, которые вообще все эти отношения отрицали, потому что сам Маркс исходил из того, что они являются вершиной капитализма, а после должны отмирать. Хотя в реальности не произошло ни того ни другого — ни их полной абсолютизации в реальной жизни, ни тем более их отмирания.

Теперь по поводу самой рабочей силы, ее стоимости, прибавочной стоимости, эксплуатации и т.д. Эквивалентность не

нарушается, стоимость рабочей силы и затраты на ее воспроизводство сбалансированны. Упрощенно говоря, капиталист покупает рабочую силу по стоимости, рабочий производит товар, который выше этой стоимости. Этот товар продается и тоже по стоимости — и все в порядке. У меня в этой связи давно уже возник вопрос, связанный с определением стоимости рабочей силы. Да, рабочая сила — товар. Во всяком случае, в те времена она была товаром. Но это товар особого рода, производящий другие товары, продукты. Почему рабочая сила — товар, и он покупается? Не потому, что произведены какие-то затраты и он чего-то стоит, а потому, что этот товар может производить нечто другое. И не вообще производить, а совершенно конкретные вещи. Никто не купит просто способность к труду. Ни один капиталист не будет столь наивным, чтобы покупать какую-то способность к какому-то труду. Он приобретет рабочую силу, готовую производить совершенно конкретные продукты, товары. И возникает вопрос, а почему надо определять стоимость рабочей силы как сумму средств, которая необходима на ее воспроизводство. Маркс сделал это для того, чтобы показать именно эквивалентность отношений. Здесь нет нарушения этой эквивалентности. А по сути, стоимость рабочей силы как особого товара должна определяться не тем, что и сколько надо для того, чтобы она воспроизводилась, а тем, что она может дать. Она измеряется, как мне кажется, стоимостью продукта, который рабочий или рабочая сила может произвести. Если она этого не может, это вообще не товар.

Возникают определенные пределы. С одной стороны, стоимость товара, который может произвести рабочий, и она определяет стоимость рабочей силы. С другой стороны, есть граница низшая — это необходимость воспроизводства рабочей силы. В этих пределах, думается, и колеблется стоимость рабочей силы. Это величина не постоянная, ее нельзя определять абсолютно, она относительная и историческая. Поэтому прибавочная стоимость — это тоже величина относительная — в том смысле, что она может быть в большей

или меньшей зависимости от колебания стоимости рабочей силы, о пределах которой я говорил. Поэтому, думается, нет какой-то постоянной тенденции. Стоимость рабочей силы, допустим, падает, норма прибавочной стоимости растет и т.д. или наоборот. Это процесс, который колеблется. Он в известной мере цикличен. В принципе, конечно, под влиянием разных обстоятельств и того, что стоимость производимого работником продукта растет, стоимость рабочей силы должна увеличиваться, но это еще не значит, что норма прибавочной стоимости должна обязательно возрастать. Она может снижаться, если просто заработная плата рабочего приближается к этой самой стоимости его рабочей силы. Я думаю, что все это надо внимательно проанализировать. Поэтому, как я говорил, нет какой-то общей тенденции повышения или понижения степени эксплуатации.

Теперь по поводу того, является ли рабочая сила сейчас товаром или нет, или же не вполне является. Думается, что эти вопросы, так же как и те, которые связаны с распределением прибавочного продукта, обусловлены изменениями в отношениях собственности. Собственность меняется в разных отношениях. Опишу два из них.

Происходит разделение собственности между разными субъектами на основе, например, акционирования. Субъектов собственности становится несколько, иногда много. Пусть у каждого будет немного акций, пусть с точки зрения дохода это не будет играть большой роли, но принципиально происходят изменения в отношениях собственности. Чем дальше развиваются эти процессы, тем больше эти изменения. И тогда уже собственник не является единственным. И, с одной стороны, стоимость начинает делиться между этими разными собственниками, с другой — рабочая сила перестает быть в известном отношении или в определенной мере товаром. Он собственник. И он не продает рабочую силу. Он имеет здесь свою собственность. Он — сохозяин. Пусть на 90% это будут формальные сохозяева, во всяком случае, пока, но тем не менее ситуация принципиально меняется. Значит, меняются

эти отношения, связанные с рабочей силой. Постепенно она все больше и больше будет терять свойства товара. Человек не продает рабочую силу, он вступает в производственные отношения, процесс труда, будучи в известной мере собственником. Чем больше он будет становиться собственником, тем меньше его рабочая сила будет товаром. Здесь тоже происходят, как я полагаю, принципиальные изменения, которые усилятся в дальнейшем.

Но собственность меняется еще и в другом отношении. В том смысле, что материя исчезает. Так вот у нас с собственностью происходит примерно то же самое. Она как бы исчезает. Во-первых, нет единого собственника. Во-вторых, сами функции собственности усложняются, это отношение включает много функций, в него втягиваются разные группы людей. Не один человек реализует функции собственности, а группа. Появляются менеджеры и т.д. Они выполняют определенные функции собственника, даже если формально не являются им. Но экономически они уже являются собственниками. Кстати говоря, поэтому юридическое толкование собственности или сведение собственности к юридическим отношениям необоснованно. Собственность — экономическое отношение. Нельзя все сводить к правомочиям. Есть просто реальные функции, которые действительно выполняют разные люди. Одни занимаются управлением, другие — организацией производства, третьи — другими функциями и т.д. А в целом осуществляется процесс реализации отношений собственности.

С этой точки зрения в сферы субъектов отношений собственности и производительного труда включаются новые слои, допустим, весь комплекс людей, связанных с отношением управления, и т.п. Это уже люди, участвующие в производственном процессе, который без них просто невозможен. Это тоже меняет отношения, связанные с дальнейшим распределением продуктов, так как люди получают уже не потому, что они просто работают и продали свою рабочую силу, а потому, что они выполняют функции собственника,

производителя, т.е. становятся реальными участниками этого производственного процесса.

Теперь по поводу противостояния интересов капиталиста и рабочего, социализации капитала, лицемерия и т.п. Думается, что чем дальше, тем больше будет тождественность интересов. Хотя они никогда полностью не совпадут. Они будут оставаться в значительной мере противоположными. Это вполне понятно. Но, с другой стороны, момент совпадения будет усиливаться, и момент социализации капитала будет усиливаться. Суть капитала и противостояния его с трудом будет уже меняться. Это нормальный процесс, но длительный, сложный, противоречивый. Иногда он идет вперед, иногда начинаются откаты. И мы видим обострение этих противоречий, что вполне естественно. Но тенденция социализации капитала очевидна, и она будет возрастать. И тогда постепенно мы придем к другой системе отношений. Капитализм внутренне изменится. Это уже будет, по сути, система некапиталистических отношений.

Часть 3

ВОСПРОИЗВОДСТВО И ТРУД
В МАРКСИСТСКОЙ
СХЕМЕ

В.И. Маевский

ПОЧЕМУ ТЕОРИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА ОКАЗАЛАСЬ ЗА ПРЕДЕЛАМИ МЕЙНСТРИМА?

Среди множества теорий, разрабатываемых в XX в., пожалуй, менее всего повезло теории воспроизводства, а поскольку она в значительной мере опирается на трудовую теорию стоимости, то в равной мере не повезло и последней. В XX в. по сравнению с двумя предшествующими столетиями интерес к изучению указанной пары теорий заметно угас. В какой-то мере объяснить сложившееся положение дел можно тем, что в последней четверти XIX в. произошла маржиналистская революция, в корне изменившая исходные принципы научного анализа. Абстрагировавшись от трудовой теории стоимости, маржиналисты вывели на первый план проблемы полезности, методологического индивидуализма и экономической рациональности. Эквивалентный обмен они заменили равновесным подходом и т.д.

Идеи маржиналистов оказались настолько привлекательны, что к ним присоединились некоторые ведущие представители эволюционной теории экономического развития, которая по своей сути органически связана с воспроизводственной проблематикой и опирается на вышеупомянутый феномен конечности факторов производства. Параллельно шло формирование известных теорий роста (кейнсианской,

неокейнсианской, неоклассической, новой неоклассической и т.д.), которые полностью подменили собой классическую теорию воспроизводства. Проблемы обновления факторов производства отошли на второй план.

Не отрицая того факта, что маржиналистская революция действительно оказала большое влияние на процесс развития мировой экономической мысли XX в., мы полагаем, что причины охлаждения научного интереса к теории воспроизводства и трудовой теории стоимости нужно искать внутри самой же этой пары. Нужно тщательно проанализировать теории, претендующие на описание процессов воспроизводства. Возможно, они содержат в себе столь серьезные дефекты, что их претензии на адекватное отображение сущности воспроизводства не имеют достаточных оснований.

Обратимся к марксовской теории воспроизводства и трудовой теории стоимости и попытаемся показать, что такая неадекватность действительно имеет место. Начнем с того, что Маркс категорически отрицает воспроизводство основного капитала в стоимостном аспекте. Он признает только воспроизводство капитала как физической субстанции, как совокупности конкретных видов станков, машин, механизмов и т.д., но не стоимости этих же самых станков, машин и механизмов.

Маркс объясняет свое отрицание тем, что при производстве нового основного капитала *in natura* новая стоимость не создается. Она переносится на новый продукт со старого (потребляемого) основного капитала. Если, например, таковым продуктом являются новые капитальные товары, а это вполне естественно для отраслей машиностроения, то стоимость старого основного капитала переходит на физическое тело этих товаров и сохраняется в них. Поэтому она не воспроизводится, воспроизводится только физическое тело основного капитала. Мы не согласны с марксовым пониманием сущности воспроизводства основного капитала. Наша позиция такова: стоимость основного капитала воспроизводится одновременно с его потребительной стоимостью.

С одной стороны, стоимость старого основного капитала умирает вместе с его физическим телом, с другой – стоимость нового основного капитала возникает одновременно с его рождением *in natura*. Но если стоимость старого основного капитала умирает, то ни о каком ее переносе на физическое тело нового основного капитала не может быть и речи. Переносится не стоимость, а лишь денежная оболочка потребляемого основного капитала. Переносится амортизация, точнее – «амортизационные» деньги, в которых она воплощается. Это совершенно иной взгляд на процесс воспроизводства основного капитала. Можно пойти дальше. В частности, «амортизационные деньги» можно отождествить с условной информацией о цене старого основного капитала. Она, в отличие от стоимости, обладает способностью сохраняться, переходить от одного носителя к другому. Ее не надо воспроизводить. Воспроизводить надо носителя информации, каковым в данном случае является сам основной капитал.

Подобного рода перенос информации осуществляет простой бухгалтер. Если иметь в виду любую отрасль машиностроения, то бухгалтер списывает информацию о цене старого основного капитала со счета старого капитала (старого носителя информации) и записывает ее на счет продукта – нового основного капитала, нового носителя информации. Одновременно с деятельностью бухгалтера работает машиностроительное производство, где тратится новое рабочее время, создается и стоимость, и натуральное тело нового основного капитала.

Высказанные положения расходятся не только с соответствующими положениями классической теории стоимости и теории воспроизводства, они не согласуются также и со сложившимися в современной экономической среде стереотипами. Стандартное представление таково: амортизация есть процесс перенесения стоимости. Подобного рода определения можно найти в любом учебнике, справочнике, энциклопедии. Мы убеждены, что современные экономи-

сты, говоря о перенесении стоимости, не задумываются над тем смыслом, который вкладывал Маркс в понятие стоимости. Но пренебрежение истинным смыслом, фигурально выражаясь, «не освобождает от ответственности». Оно свидетельствует о том, насколько прочно проникли в современное экономическое знание весьма спорные догмы XIX в. и как важно вернуться к критическому переосмыслению марксовой теории.

С.А. Долматова

ПРОБЛЕМА ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В нашей стране самой актуальной стала проблема первоначального накопления капитала — и именно в той интерпретации, которую ей давал Маркс. В последние годы, когда марксизм, по сути, подвергся остракизму, в экономической публицистике очень активно использовался этот термин, но при этом акцент делался на том, что первоначальное накопление капитала, с нарушениями правовых и моральных норм, — это естественный этап возникновения и развития капиталистических отношений. Поскольку все промышленно развитые страны прошли через этот этап разграбления, насильственной пролетаризации и люмпенизации населения, то и наша страна естественным образом тоже должна это сделать. Но «первоначальная жестокость экономической свободы» посткоммунистической России не только не соответствует цивилизационным нормам конца XX — начала XXI в., но и не имеет экономического смысла.

Содержанием процесса первоначального накопления капитала, по Марксу, является отделение непосредственного производителя от средств производства, когда осуществился переход от традиционного общества к индустриальному. Однако этот процесс уже завершился в советский период, а именно в ходе основных этапов советского хозяйственного строительства — коллективизации и индустриализации, в результате которых государство оказалось единственным держателем аккумулированных средств общества.

А что являлось основным механизмом первоначального накопления капитала в постсоветской России? Это, конечно, приватизация. Если признается как допустимая марксова теория первоначального накопления капитала, то логично признать и историческую тенденцию капиталистического накопления в его интерпретации. Причем, если у Маркса речь идет о капитале, который накапливается в течение жизни целого ряда поколений благодаря изъятию прибавочной стоимости у рабочих, то в случае нашей страны все гораздо нагляднее и очевиднее — известны адреса и масштабы объектов приватизации. Стало уже общим местом мнение о том, что крупные российские состояния нажиты преступным путем. Этому не отрицают и вполне уважаемые политики правого толка.

Пример нашей страны наглядно продемонстрировал, что капиталы возрастают не в результате воздержания и бережливости, о котором писал А. Смит, а как показано в «Капитале» Маркса — за счет присвоения прибавочной стоимости. И, следовательно, в постсоветской России фактически была воспроизведена вся система, которая была характерна для капитализма, не облагороженного социальным государством, и сформировались те капиталистические отношения, которые характерны для позапрошлого века. Социальное государство, несмотря на закрепление данного понятия в Конституции, не создано, не решаются проблемы, связанные с деятельностью профсоюзов, распределение собственности среди мелких акционеров носит формальный характер и т.д.

Процесс первоначального накопления капитала заложил вектор неправового развития в нашей стране. И пока не видно разумного выхода из сложившейся ситуации. Все разговоры об инновационной экономике, о приоритете человеческого потенциала пока не имеют реального подтверждения, потому что фактически сырьевой характер нашего развития заложен процессом распределения и, соответственно, дальнейшего перераспределения собственности.

И.В. Соболева

РАБОЧАЯ СИЛА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ: ТОВАР ИЛИ КАПИТАЛ?

Был поставлен вопрос, сохраняет ли значение методология Маркса при исследовании современных трудовых отношений. На мой взгляд, сохраняет. Основываясь на подходах Маркса вполне можно исследовать сущность тех отношений, которые возникают между работниками и работодателями, капиталистами и наемными работниками сегодня. Но традиционный марксистский понятийный аппарат требует развития, так как изменяется реальность, возникают новые явления, срезы отношений, и они должны быть отражены в теоретических категориях. Кроме того, многие нюансы трудовых отношений, от которых Маркс, вполне оправданно для своего времени, абстрагировался, по мере развития экономики и общества перерастают в существенные черты. Теперь от них уже нельзя абстрагироваться, необходимо вводить новые понятия и категории, в ряду которых важнейшее место занимает «человеческий капитал».

Важнейшей составляющей методологии Маркса, крайне полезной при исследовании современных трудовых отношений, является разграничение сущности и поверхности явлений. Что скрывается за отношением найма? Последовательно применяя подход Маркса, можно увидеть, что за этим в зависимости от конкретной ситуации могут скрываться различ-

ные сущности: от продажи (точнее – аренды) рабочей силы до продажи труда или трудовых услуг. Товар рабочая сила – одна из краеугольных категорий марксистской политической экономии, необходимый кирпичик, без которого невозможно объяснение производства и присвоения прибавочной стоимости при предпосылке эквивалентности обмена. Капитализм начинается с того момента, когда товарное производство приобретает всеобщий характер, т.е. товаром становится рабочая сила человека.

Внешней формой присвоения рабочей силы капиталистом (купли-продажи рабочей силы) всегда выступает форма найма – наемный труд. Однако (и это важно!) обратное утверждение не всегда справедливо: за формой наемного труда совсем не обязательно скрывается продажа рабочей силы. Маркс это, конечно же, признает, хотя в «Капитале» внимания на этом не акцентирует. Там он подробно анализирует лишь один, наиболее распространенный в условиях классического капитализма вариант сущности, который может скрываться за отношением найма, – продажу рабочей силы собственнику материальных средств производства. Цель капиталиста – получить прирост стоимости. Как справедливо отмечает Маркс, если предположить, что за отношением найма стоит продажа труда и что за товар труд (или, если угодно, за трудовую услугу) выплачивается эквивалент, прироста стоимости в результате потребления приобретенного товара не произойдет, а значит, такая сделка для капиталиста не имеет смысла.

Однако в другой ситуации такая сделка вполне может иметь смысл и осуществляться к взаимной выгоде сторон. В «Экономико-философских рукописях» Маркс подробно разбирает различия экономических отношений, стоящих за актом найма капиталистом: а) домашней прислуги, няни для ребенка или мастера для починки протекающей крыши (здесь налицо покупка живого труда, трудовой услуги для удовлетворения конкретной потребности); б) работника на фабрику. По форме и в том, и в другом случае заключается

примерно одинаковый договор, но в первом капиталист выступает просто как потребитель, заинтересованный в приобретении конкретной потребительной стоимости, во втором — потребительная стоимость, производимая работником, его сама по себе не интересует.

Эту ситуацию можно рассматривать с двух сторон. Во-первых, с точки зрения капиталиста как организатора производства. Маркс сознательно упрощает ситуацию, абстрагируется от различий между работниками, нанимаемыми на фабрику. Для анализа ему важна лишь одна, наиболее распространенная на этом этапе развития ситуация — наем простой неквалифицированной рабочей силы. Она обладает единственным полезным свойством: будучи соединенной со средствами производства, производит продукт, содержащий новую стоимость, которая превышает стоимость жизненных средств, необходимых для поддержания работника в работоспособном состоянии.

Однако даже в те времена, когда господствовала неквалифицированная рабочая сила, процесс производства предполагал малую толику участия квалифицированного труда, прежде всего связанного с организацией, руководством производственным процессом. Изначально этот труд осуществлял сам капиталист (и от себя самого получал за него заработную плату — предпринимательский доход). Постепенно потребность производства в квалифицированном труде росла, и капиталисты все чаще стали прибегать к покупке элитных трудовых услуг производственного характера, прежде всего менеджеров.

На поверхности явлений покупки неквалифицированной простой рабочей силы и «элитных» трудовых услуг выступают в одинаковой форме — заключается договор найма. Но второй договор похож на описанный выше случай, когда капиталист удовлетворял конкретные личные потребности (например, нанимая домашнюю прислугу). Только в данном случае речь идет об обеспечении нормального функционирования не домохозяйства, а фабрики, фирмы — о покупке конкретной трудовой услуги, необходимой для стабильного

протекания производственных процессов. За это работодатель готов заплатить не просто эквивалент стоимости рабочей силы, а полный стоимостной эквивалент труда, затраченного специалистом при решении поставленной перед ним задачи. Ведь иначе прервется производственный процесс, а значит и процесс создания простой рабочей силой стоимости и прибавочной стоимости, и конечная цель капиталистического производства — возрастание капитала — достигнута не будет.

Иными словами, капиталист нанимает разные категории работников для всевозможных целей, и это обстоятельство диктует различие сущностей, скрывающихся за отношением найма. Современное производство требует пока что большого количества стандартного массового труда, и в то же время — труда более или менее уникального. Для того чтобы менее квалифицированные работники массового производства, продающие рабочую силу, бесперебойно производили продукт, требуется одновременная покупка трудовых услуг тех людей, которые обеспечивают данный процесс, — технических специалистов, управленцев. Этим категориям работников капиталист согласен вернуть полностью стоимость, созданную ими в процессе труда. Наем этих более квалифицированных работников является необходимым условием выжимания прибавочной стоимости из других, менее квалифицированных.

Во-вторых, с точки зрения работника. Какой товар он выносит на рынок для продажи — свою рабочую силу, трудовую услугу или некий mix того и другого? Можно уверенно предположить, что продажа трудовых услуг существовала задолго до того, как появилась продажа рабочей силы. Мы все хорошо помним, что для того чтобы человек имел возможность и стимул продавать свою рабочую силу, он должен быть: 1) лично свободен (не раб, не крепостной, а значит, имеет возможность распоряжаться своей способностью к труду по своему усмотрению); 2) свободен от средств производства (осовременив эту предпосылку, можно сказать — свободен от капитала, от каких бы то ни было ресурсов — материальных

и нематериальных, в том числе от квалификации, знаний, полезных социальных связей и т.д.). Только в этом случае у него нет другой альтернативы выживания, кроме продажи своей рабочей силы.

В период, когда Маркс писал «Капитал», ситуация такой двойной свободы была широко распространена. С одной стороны, овцы уже «съели людей», лишив крестьян возможности вести натуральное хозяйство, «освободив» их от тех скудных ресурсов, которые позволяли выживать автономно. С другой – образование еще оставалось уделом меньшинства, стоявшего за пределами производственных процессов и сферы наемного труда. Машинное производство предъявляло массовый спрос на неквалифицированный труд. С его повсеместным распространением практически завершился процесс реального подчинения труда капиталу. Тем не менее, и в этот период в работах Маркса можно найти пассажи, посвященные особым видам ресурсов, капитала, нематериального богатства, непосредственно воплощенным в человеке, в населении страны.

Сегодня в развитых странах мира значительная часть экономически активного населения располагает нематериальными ресурсами (знаниями, навыками, компетенциями, репутацией, связями и т.д.), составляющими в рамках передовых технологических укладов наиболее важную часть средств производства. Иными словами, вторая необходимая по Марксу предпосылка превращения рабочей силы в товар для многих наемных работников не выполняется: они не свободны от средств производства, а, значит, располагают альтернативной наемному труду возможностью обеспечить себя средствами к существованию. Отражением изменившейся ситуации стало появление обширного и растущего сектора самостоятельно занятых квалифицированных работников, имеющих минимум материального капитала (набор инструментов, компьютер), но располагающих внушительными нематериальными ресурсами, а также бурный рост высокотехнологичного малого бизнеса.

Следует подчеркнуть, что обладание ресурсами и наличие возможности выбора защищает работника от произвола работодателя. По этому же принципу действует и конкуренция между фирмами за квалифицированную рабочую силу. Квалифицированный работник может выторговать себе выгодные условия сделки не только с помощью профсоюзов, но и опираясь на репутацию, пользуясь тем, что его трудовые услуги востребованы и в других местах. Общая тенденция состоит в том, что чем о более квалифицированном работнике идет речь, тем больше шансов, что за договором найма скрывается продажа не рабочей силы, а труда, трудовой услуги и ее оплата по полной стоимости, а иногда даже выше ее. Такая переплата компенсируется прибавочной стоимостью, выжимаемой из труда менее квалифицированных работников.

Насколько правомерно, с точки зрения теории Маркса, рассматривать нематериальные ресурсы, которыми располагает образованный работник, как особую форму капитала — так называемый человеческий капитал? В среде отечественных исследователей господствуют два крайних подхода к теории человеческого капитала (и к самому этому понятию). Либеральное крыло экономистов принимает ее безоговорочно и отстаивает «теоретическую полноценность» человеческого капитала. Их противники либо вовсе отказываются принимать даже терминологию, либо настаивают на том, что человеческий капитал — это скорее метафора, чем экономическая категория. Несколько особняком стоит попытка «привязать» человеческий капитал к марксовской теории, ссылаясь на то, что, по Марксу, рабочая сила становится капиталом, будучи присвоенной капиталистом, и в этом смысле переменный и есть человеческий капитал.

Представляется, что в последнем случае возникает путаница понятий. Во-первых, теоретики (во всяком случае, большинство из них) различают человеческий капитал и способность к труду как таковую, т.е. ту простую, не имеющую специальной подготовки рабочую силу, которая, по Марксу, в самом общем (теоретически чистом) случае как раз и обра-

зует субстанцию переменного капитала. Во-вторых, необходимым условием превращения рабочей силы в переменный капитал, по Марксу, выступает ее присвоение (аренда) капиталистом. То есть для Маркса продажа работником своей способности к труду капиталисту — это ключевой момент, определяющий превращение рабочей силы в капитал, который, таким образом, заведомо не может принадлежать самому работнику.

Для теоретиков человеческого капитала вопрос о найме — второй. Важна включенность человеческого капитала, который не может быть отделен от работника, в рыночные отношения тем или иным способом. Человеческим капиталом может обладать и наемный работник, и самостоятельно занятый (индивидуальные предприниматели, лица свободных профессий, профессионалы, ведущие индивидуальную практику). В принципе даже раб, со всеми потрохами принадлежащий хозяину, может обладать человеческим капиталом. Важно, чтобы результат его труда выходил на рынок, принимал денежную форму, материализовался в добавочном доходе, по марксистской терминологии, — в стоимости. То есть результат должен быть оценен рынком, но кем именно и в каких пропорциях доход на человеческий капитал будет присвоен (самим ли обладателем капитала, его работодателем, третьими лицами) — это уже вопрос второй, хотя и небезынтересный.

Мне представляется, что человеческий капитал не удовлетворяет наиболее строгому сущностному определению Маркса, хотя вполне соответствует принятым современной экономической наукой критериям капитала — инвестиции, осуществляемые в расчете на получение дохода, деньги, приносящие деньги, самовозрастающая стоимость. Иными словами, в отличие от марксовой теории, не ставится вопрос о том, что является глубинным источником прироста вложенных ресурсов, важен механизм целенаправленного отвлечения ресурсов от текущего потребления и их инвестирования в расчете на будущие выгоды.

Однако согласно сущностному определению К. Маркса, капитал должен заключать в себе отношение экономического принуждения, эксплуатации наемного труда, которая и выступает глубинным источником его прироста. В условиях классического капитализма средства производства и рабочая сила находятся в руках разных собственников. Условием их соединения в производственном процессе является продажа рабочей силы собственнику материальных ресурсов, дающая последнему возможность присваивать и эксплуатировать чужой труд. Человеческий же капитал воплощен в работнике, а потому не может содержать в себе отношения эксплуатации.

Ближе всего к теоретикам человеческого капитала Маркс подходит в своей теории простого и сложного труда, когда обосновывает свойство обученной, обладающей специальными навыками, знаниями, способностями рабочей силы реализовываться в более сложном труде, т.е. обладающем свойством удельно (в расчете на единицу времени и усилий) производить больше стоимости. Представляется, что некотором роде марксова теория сложного труда есть не что иное, как изложенная в других терминах теория человеческого капитала.

Л.И. Абалкин

ТРУД КАК ТАКОВОЙ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ОБЪЕКТОМ ПРОДАЖИ

Нам очень важно, особенно в научной литературе, четко пользоваться понятиями, с учетом их содержания. Что касается методологии Маркса, то, если брать ее глубинные основы, она сохранила свое полное значение и сегодня. Весь вопрос в понимании самой этой методологии. Мы должны оперировать не только отдельными явлениями, прямо относящимися к данной теме, а брать всю совокупность представлений Маркса по данному вопросу. Постараюсь это показать.

Что такое человеческий потенциал, это тоже надо четко определить. Думаю, что под ним подразумевается тот, которым обладает общество. И это соответствует совокупности экономически самостоятельного населения, включая как занятых, так и безработных. Этот потенциал мы можем использовать полностью или частично. Второй вопрос касается того, что только в буржуазном обществе рабочая сила становится товаром, поскольку появляется рынок труда. Я уже много раз говорил, что рыночная экономика, рынок значительно старше, чем капитализм. И с момента появления рынка рабочая сила принимает вид товара, хотя, может быть, в своих первоначальных и изначальных формах.

Надо различать экономические отношения, когда содержится домашняя прислуга, няня для ребенка, приглашается

мастер для починки протекающей крыши, и акт найма капиталистом рабочих на фирму. Это действительно разные вещи. У Маркса это затрагивается во многих работах. Я думаю, что труд как таковой не является объектом продажи. Это процесс, это деятельность. Что касается аренды, то ее следует отличать от купли-продажи рабочей силы, ведь она предполагает не круглосуточную принадлежность объекта. Контракт заключается на время — на месяц, год, пять лет, подлежит постоянному обновлению. Продается не труд, а рабочая сила.

Далее хочу остановиться на вопросе о сложном труде, о труде менеджеров с выходом на проблему человеческого капитала. Методология Маркса в третьем томе «Капитала» показывает, что он четко различает части, на которые распадается вновь созданная стоимость: заработная плата, рента, процент на капитал и предпринимательский доход как доход организаторов производства. Во всей литературе еще досоветского времени постоянно подчеркивались эти четыре вида доходов вновь созданной стоимости. Причем капитал как собственность вы можете заложить в банк и иметь с него процент. Он регулируется в значительной степени спросом и предложением капитала.

Прибыль за вычетом процента составляет предпринимательский доход. Он включает в себя не только доход менеджеров, но и оплату труда инженеров, управляющих, ученых. Этот доход, в принципе, не имеет эксплуататорского характера. Он зависит не от эксплуатации людей, а от функций, выполняемых в сфере производства: совершенствования организации производства, организации поставок сырья, технологического совершенствования, выхода на рынок и т.д.

Подход к пониманию человеческого капитала в значительной степени связан с анализом проблемы сложного труда, который является частью совокупного труда, — как на уровне предприятия, так и на уровне общества в целом. Формами его вознаграждения являются как заработная плата, так и предпринимательский доход. Поэтому доход может быть выше стоимости рабочей силы. Если посмотреть, то сегодня

в современном мире, в большей степени на Западе, чем в России, предпринимаются усилия по созданию сложного труда. Делаются огромные вложения в образование, науку, здравоохранение, в первую очередь из государственного бюджета. Выступления руководителей западных стран по этим вопросам больше похожи на речь Генерального секретаря ЦК на съезде КПСС.

Если мы хотим строить будущее экономики и выводить ее на инновационный путь развития, то должны радикально пересмотреть внутреннюю экономическую и социальную политику и заниматься мозгами. Причем это касается не только людей науки. Если мы переходим на интенсивные технологии, они нужны всюду, начиная с сельского хозяйства, сферы услуг, везде, где должны быть высокопрофессиональные специалисты. Они должны получать достаточно высокую заработную плату, иметь стимулы к повышению квалификации, желание получать знания, наращивать умение, навыки для такого труда. Это один из мощнейших стимулов в экономике.

О.И. Ананьин

ЧТО СТОИТ ЗА ФОРМОЙ НАЙМА:
ПРОДАЖА РАБОЧЕЙ СИЛЫ
ИЛИ ОПЛАТА УСЛУГИ?

Удачная комбинация факторов, приносящая предпринимательский доход, может базироваться на всеобщем, прежде всего научном, труде. Но у Маркса предполагается, что интеллектуальный продукт, создаваемый всеобщим трудом, монополизирован и присваивается капиталом. В результате два качественно разных эффекта сливаются. Если же их разграничить, то получим следующую ситуацию: есть эффект всеобщего труда, который присваивается капиталистом под названием синергетического, и есть научный работник, который продает свою душу, т.е. выступает как наемный работник, и именно поэтому не может претендовать на долю в синергетическом эффекте. Есть еще одна ситуация, когда за отношениями найма стоит купля-продажа трудовой услуги, т.е. когда они обходятся без эксплуатации. Это важное для современного мира дополнение, но сомнительно, что это само по себе делает продавца услуги предпринимателем, пусть даже «частичным», получателем доли предпринимательского дохода.

Второй блок проблем связан с понятием человеческого капитала. Мне бы хотелось привести неожиданную ассоциацию, спровоцированную анализом меняющегося мира,

в котором расширяется круг людей, выступающих на рынке непосредственно, а не через продажу своей рабочей силы. Гипотеза состоит в том, что мы на каком-то новом витке возвращаемся в ситуацию, которая в «Капитале» описывалась как простое товарное производство. До того, как Маркс вводит понятие капитала, неявной предпосылкой его анализа служит то, что человек сам работает и выносит на рынок свой товар. Если же он разорится, т.е. утратит возможность производить товар самостоятельно, то у него не остается иного выбора, как продавать свою рабочую силу. Сегодня, при уровне благосостояния, достигнутом в развитых странах, выбор у человека есть. И поэтому возникает дилемма: либо человек продает свою рабочую силу, в том числе интеллектуальные способности, ради того, чтобы жить сегодняшним днем, либо он осуществляет маневр во времени, вкладывается в свое образование и продает уже не рабочую силу, а свои трудовые услуги как редкое и потому ценное благо. Этой проблемы у Маркса не было поставлено, такой возможности не предполагалось. Однако, то, что мы называем сегодня человеческим капиталом, наверняка было, скажем, у ремесленника. Понятно, что прежде такой капитал складывался за счет иных механизмов (посредством ученичества), и судьба человека редко была результатом свободного выбора индивида. Именно этим задано пространство для нового понятия, будь то человеческий капитал или что-то другое.

Соболев Э.Н.

СОВМЕСТИМА ЛИ КОНЦЕПЦИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА С ТРУДОВОЙ
ТЕОРИЕЙ СТОИМОСТИ?

Классическая концепция марксизма слабо согласуется с концепцией человеческого капитала. И это не случайно. Капитал, по Марксу, представляет собой «возрастание стоимости», а если сказать более точно, движение ее самовозрастания, основанное на эксплуатации наемного труда. Это самовозрастание происходит лишь со стороны капиталиста, а не работников, вне зависимости от их квалификации. Поэтому представляются тщетными попытки найти в текстах Маркса понятие человеческого капитала. Он рассматривает не источник прибавочной стоимости, не процесс ее производства, а показывает различие между капитальными и текущими затратами работника в структуре издержек рабочей силы. Но, безусловно, и те и другие становятся переменным капиталом после акта купли-продажи рабочей силы. Но, как известно, переменный – это не есть человеческий капитал.

Есть мнение, что Маркс не рассматривал явления, связанные с включением квалифицированного труда в производство, а также ростом значения рынка трудовых услуг, по причине их малого распространения в те времена. Если бы он жил сегодня, то он бы, мол, обратил внимание на эти новые явления. Конечно, реалии XIX в. накладывали отпечаток

на исследования Маркса. Но основная причина все же в другом. Маркс был заложником определенной идеологической концепции. Поэтому он не анализировал эти формы не по причине их неразвитости, а потому, что они не укладывались в его идеологическую схему, где во главу угла был поставлен постоянно нищающий и малоквалифицированный рабочий класс. Что касается «самодостаточных» профессионалов, представителей, как сегодня бы выразились, среднего класса, то их судьба мало чем отличалась от работников крестьянских хозяйств, основанных на собственном труде. По Марксу, это были исчезающие формы. Капиталистическая система в своем развитии как воронка засасывает все эти промежуточные слои в сепаратор. Промежуточные слои исчезают. Остается кучка капиталистов и море пролетариев. Вспомним, что Маркс писал в 7 разделе «Капитала» об исторической тенденции капиталистического накопления.

В марксовой системе взглядов инженеры на производстве — это, скорее, помощники капитала, а квалифицированные рабочие, если они не превратились в частичных, — рабочая аристократия, которую подкармливают хозяева с целью расколоть рабочий класс. Именно эти идеологические шоры навязывали соответствующий анализ. Анализ, как показала история развитых стран уже с конца XIX в., оказался, мягко говоря, несколько односторонним.

Сегодня широко предпринимаются попытки увязать трудовую теорию Маркса с концепцией человеческого капитала. Одни авторы объявляют его капиталом особого рода. Другие пытаются вывести эту категорию из марксового анализа сложного труда. Но в целом эти попытки неубедительны. Остается впечатление некоторой искусственности. И большой вопрос — нужна ли такая увязка? Вполне возможно раздельное сосуществование этих 2-х концепций — у каждой своя епархия. В истории экономической мысли это мы постоянно наблюдаем. Скажем, креативный труд — для человеческого капитала, а однотипный, промышленный — для трудовой теории стоимости. Правда, остается огромная серая зона.

Кроме того возникает вопрос, согласится ли на такое «мирное сосуществование» марксизм, поскольку он всегда имел тенденцию объяснять все и вся.

С точки же зрения сторонников человеческого капитала, тот факт, что марксизм, точнее трудовая теория стоимости, по сути отторгает эту концепцию, в значительной мере является проблемой его самого. Не марксизмом единым жива экономическая наука. Концепция же человеческого капитала продемонстрировала свою продуктивность при анализе различного рода связей — образование и эффективность, образование и доходы и др. Уже одно это предполагает уважительное отношение к этой концепции.

Часть 4

МАРКСИЗМ
И ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ

О.Т. Богомолов

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВЕННАЯ СРЕДА: ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ

Сначала — об экономическом детерминизме, по крайней мере, так, как он сформулирован в марксизме и как мы сегодня должны к нему отнестись. Это соотношение бытия и сознания, экономической базы и политической надстройки. Как я полагаю, то, что сказано по этому вопросу у Маркса, не потеряло полностью своего значения. Если мы говорим о каких-то продолжительных исторических этапах развития, смене общественно-экономических формаций, то глубинные факторы перемен, несомненно, следует искать в экономике, в экономическом базисе, научно-технических сдвигах и революциях. И затем это отражается в надстройке, общественном сознании. Причем идеи могут способствовать и ускорять перемены. Так что в этом смысле исторический материализм, по-моему, не опровергнут практикой, а, наоборот, скорее подтвержден.

Но вместе с тем у Маркса мы находим и другие положения, которые, по-моему, тоже сохраняют свое значение, а именно, что теория становится материальной силой как только она овладевает массами. То есть здесь говорится о том, что идеи, их совокупность, идеология, теория могут иметь значение материальной силы, первенство над экономикой. Собственно, Ленин тоже писал, что политика в переходный

период, особенно в процессе создания новых общественных отношений, не может не иметь приоритета над экономикой.

Поэтому вопросы соотношения бытия и сознания на более коротких промежутках истории могут иначе восприниматься. Я думаю, что мы живем как раз в то время, когда идеи и политика действительно многое определяют. Причем идеи, если мы обратимся к некоторым основополагающим высказываниям, могут править миром. Роль идей, идеологии, состояния общественного сознания в наши дни в российских условиях как никогда велика. Но наукой и политикой этот факт, по-моему, полностью не осознается, а если и осознается, то используется не на благо страны, а часто в каких-то корыстных интересах удержания власти. Причем научно-техническая революция, особенно информационная, кардинальным образом изменила силу и воздействие идей на общественное сознание. Это связано с тем, что с помощью средств массовой информации можно легко манипулировать сознанием огромного количества людей, превращать ложные идеи в какой-то путеводный путь развития и убеждать их в том, что в действительности жизнь опровергает.

Вместе с тем мы сегодня, как мне кажется, переживаем период идейной нищеты, отсутствия ясного представления, к какой модели, к какому типу общества придем в результате неолиберальных реформ. Я бы не сказал, что мы находимся в атмосфере безыдейности (скорее, бездуховности). Идеи практически имеются, но такие, которые не разделяются преобладающей частью населения. То, что на экономической политике сказалась идеология неолиберализма, это несомненно. В наших условиях это, может быть, еще ярче проявилось. Мы недостаточно критически восприняли то, что в американских учебниках написано, избрали тупиковый путь развития экономической системы России и до сих пор не можем этого признать.

Это как раз и заставляет задуматься. Потому что мы сейчас переживаем глобальный кризис. И поскольку в основу нашего развития положены неолиберальные идеи, наступил

момент, когда нужно сделать определенные выводы, извлечь уроки из того, что мы переживаем. Но я не вижу, чтобы здесь наша наука или те, кого называем «властителями умов», могли бы предложить какие-то новые идеи. Мы живем, в общем, в условиях дефицита свежих идей, позволяющих ускорить выход из довольно печального состояния.

Между с тем, Запад, по-моему, более активно реагирует на то, что происходит. Наступил момент, когда ряд видных западных идеологов и авторитетов в экономике призывают пересмотреть неолиберальные представления. В этом отношении очень показательны публикации неолиберального, я бы сказал, ортодоксально-либерального журнала «Экономист». В представленных статьях предлагается извлечь выводы из кризиса и пересмотреть, в частности, отношение к так называемому «мейнстриму» экономической мысли, утверждающему, что равновесие и баланс рынок определяет сам и не требуется никакого внешнего вмешательства. Призывы к переосмыслению теоретических положений, изложенных в американских учебниках, да и в наших тоже, мы слышим и от других авторитетов, в том числе от лауреатов Нобелевской премии по экономике — Дж. Стиглица и П. Кругмана. Мы же в своих экономических реформах как раз руководствовались макроэкономической теорией американского покроя, но она плохо подтверждается практикой.

Вот у Маркса сказано, что когда мы говорим о справедливых ценах и вообще о справедливости, то это не имеет отношение к экономической теории, это категория моральная, и ее как бы надо вынести за скобки. Но я должен сказать, что социальная справедливость и многие моральные понятия в сегодняшнем мире оказывают на экономическое развитие очень сильное воздействие, и игнорировать их и в теории, и в политической практике было бы близоруко и неправильно. Социальная справедливость — это то, чем живет общество, большие массы людей, и они требуют ее соблюдения, очень болезненно реагируют на грубое ее нарушение. Вот то, что мы сегодня видим на экранах телевизоров, в сериалах

и рекламных роликах, нивелирует многие устоявшиеся нравственные ценности. Популяризация нуворишей, их роскоши, расточительства при наличии массовой бедности и даже нищеты — что это как не вызов общественному мнению, представлениям о гуманности, справедливости? С состоянием общественного сознания сегодня, как показывают социологические опросы, нельзя не считаться в экономической политике, рассчитанной на модернизацию страны.

Гражданские свободы и их соблюдение, уважение человеческого достоинства — это тоже очень существенные для экономики моральные категории. Вопрос о равенстве, не в примитивном, эгалитарном толковании, а в реальном — равенство возможностей, обеспечение равного доступа к образованию, здравоохранению, общественным благам — разве все это не имеет отношения к экономическому базису? Это ведь очень существенные не только моральные, но и социологические категории, с которыми надо считаться и которые очень многое значат в нашей жизни. Но, к сожалению, выпадают и из нашей идеологии, и из нашей политики, игнорируются.

Л.И. Абалкин

НЕОБХОДИМ СИНТЕЗ ФОРМАЦИОННОГО И ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДОВ

Когда мы говорим о наследии Маркса, надо иметь в виду, что он прожил достаточно большую жизнь. Надо исследовать историю его взглядов, изменение позиций. Если вначале он предполагал некие более универсальные решения, то постепенно он отказывался от данного подхода. В известных письмах Вере Засулич он писал, что положение об общественно-экономических формациях не имеет универсального мирового значения, оно применимо только для Западной Европы. Это взгляд зрелого ученого, и из этого надо исходить. Поэтому не следует абсолютизировать его положения как универсальный закон, применимый ко всей истории человеческой цивилизации (формационное деление).

Теперь о соотношении формационного и цивилизационного подходов. Между ними существуют принципиальные различия: если формационный подход показывает движение, то цивилизационный — статику. Во всех исследованиях по цивилизационному подходу (начиная с работ Данилевского, Тойнби, Гумилёва) каждая цивилизация имеет свой возраст: зарождение, укрепление, подъем и разложение. Называются разные даты, через 500—600 лет происходит смена цивилизаций. Но это понятие не наше, потому что мы говорим об истории человеческой цивилизации. И для нее 500—600 лет — это нормальный срок. Это тоже показатель динамизма цивилизации.

Я думаю, что история человеческой цивилизации настолько сложна и многомерна, если учитывать все факторы, а не только экономические, т.е. технологические, биологические, экологические и многие другие, что в принципе ни один из подходов, какой бы мы ни избрали, не даст четкого описания философии истории. Требуется многомерное измерение. И самая сложная задача сейчас – это не противопоставление двух подходов, а поиск какого-то синтеза, чтобы мы могли достаточно динамично и комплексно оценить эти проблемы.

А.И. Амосов

ПРИНЦИП ИСТОРИЗМА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ К. МАРКСА

Принцип историзма по праву считается самой сильной стороной политической экономии Маркса. Поэтому описание исторического процесса Марксом по-прежнему представляет научный интерес. Сложность обсуждения выдвинутых Марксом положений состоит в том, что общественные науки за прошедшие со времен Маркса более чем полтора столетия не стояли на месте. Мы сейчас вправе осуществлять ревизию того, что из положений Маркса подтвердилось, а что не прошло проверку временем. Невозможность свободно дискутировать в прошлом привела к методологическому ослаблению марксизма. В частности, многие авторы, вслед за вождями революции, называют его труды учением. Маркс хотел, чтобы его методология воспринималась как научная, а не как религиозная.

Сейчас часто дискуссии по поводу трудов Маркса ведутся без учета контекста. Что значит учитывать контекст применительно к сегодняшней тематике? Имеется в виду, прежде всего, содержательный исторический контекст. Некоторые авторы утверждают, что Маркс неправильно определил ход общественной истории. С подобными утверждениями я не согласен. В том-то и дело, что он определил исторический процесс правильно.

Подтвердились положения о развитии производительных сил и производственных отношений, о все большем обобществлении производства и социальной сферы. Кстати говоря, плодотворна сама идея развития по спирали. С позиций современной науки Маркс и Энгельс неадекватно описывали первобытно-общинный строй и некоторые другие эпохи, но дело не в этом, а в том, что они правильно заметили закономерность исторической спирали. На начальных этапах развития сформировались общественные отношения. Потом на каком-то витке спирали мы снова к ним возвращаемся, но уже совсем в другом качестве.

Маркс классифицировал этапы исторического развития как «формации», «способы производства». Сейчас эта классификация устарела, но здесь нет предмета для дискуссии. Это классификационные понятия. Не нравится нам, можно классифицировать по-другому, выделять технико-экономические парадигмы, цивилизации. Все зависит от того, какие признаки вы берете для классификации и какую цель вы преследуете. Никакого глубинного противоречия между цивилизационным и формационным подходами нет. Цивилизационное развитие нельзя противопоставлять формационному. Речь идет совершенно о разных пластах и явлениях. Цивилизационному развитию противостоит не формационное, а основанное на научно-технических достижениях. В чем суть цивилизационного развития? В том, что оно осуществляется в рамках рода, семьи путем передачи знаний и умений от поколения к поколению. На индустриальной стадии развития решающую роль играют институты образования, науки и т.д., создаются специализированные отрасли. Например, в России не было специализированных строительных организаций буквально до начала XX в., строительство не выделялось в профессиональную область. Этим занимались артели, работники которых не имели специального инженерного образования, и т.д.

Если говорить о современном понимании исторического процесса, то он заключается в том, что на всех стадиях раз-

вития человечества существуют социалистические элементы. Они присутствовали и в христианстве, и ранее. Единожды возникнув, социалистические элементы не исчезают, они эволюционируют вместе с обществом, экономикой, системами управления и т.д. Следует взять из марксизма общее направление, которое определено правильно, — социализация, повышение обобществления производства, развитие личности и т.д. Мы не должны искать то, чего Маркс не понимал в истории, нам следует сознать исторический смысл стоящих перед Россией задач.

Ю.Г. Павленко

О ФЕНОМЕНЕ ДВУХ КУЛЬТУР

Во-первых, я хотел бы начать с того, что все-таки у нас идет определенное накопление в понимании того, что есть обществоведение. То есть мы в Институте экономики, где всегда традиционно существовало подразделение на отделы: научно-технического прогресса, финансов, хозяйственного механизма и т.д., и в определенном смысле чурались социологии, политологии (одно время даже как-то немножко отошла политэкономия), сейчас все-таки осознали, что даже изучение экономики невозможно без целостного обществоведческого подхода.

И второе, относительно культуры. Я хотел бы сказать о феномене двух культур. Во-первых, в смысле Сноу (была такая книга «Две культуры»). Есть культура гуманитарная и естественно-научная. Меня интересуют ответы на вопрос: а почему же несколько миллиардов людей не вписываются в это саморазвивающееся общество, где работают по 12 часов, без выходных и т.д. Миллиарды людей так работают, в Китае, на Филиппинах и т.д. Во-вторых, двух культур в смысле В.И. Ленина, т. е. социалистической, или пролетарской, и буржуазной. Наблюдая культурные противоречия современного общества, которые я называю капитализмом, как и очень многие ученые на Западе, я считаю, что 90% этой

культуры – абсолютный мусор, который нормальный человек не должен потреблять.

Еще несколько слов о ментальности нашей элиты. Ключевой фактор – социальная структура, и в ней элита задает все. Возьмите нашу элиту. И здесь не только реформаторы. Реформаторы – это исполнители, за ними стоит большой слой заинтересованных людей и структур. Поэтому они у нас до сих пор и находятся в руководителях. Мы будем говорить, а они руководить.

Вот книга Г. Маркузе «Одномерный человек», написанная почти 40 лет назад, совсем не устарела. И эта манипуляция человеком, его превращение только в потребителя совершается на наших глазах почти по Маркузе. Более того, сейчас все больше пишут о том, что и с научно-техническим прогрессом, и с так называемыми инновациями не так все просто. Оказывается, огромное количество этих инноваций «лежат под сукном» у корпораций, а они обходятся без них. Они бантики привязывают к машинкам, придумывают новый дизайн, каждые три – четыре года делают это, не обновляя продукцию по сути, потому что им это не нужно, они и так могут навязать старье потребителю. Им совсем не надо серьезных инноваций. И эта проблема современного капитализма. То есть это противоречие между объективными возможностями материальной базы развития и производственными отношениями, которые сдерживают первые. И в результате получается, что многие проблемы, которые стоят перед нами, – а мы уже в глобальном сообществе, часть его – может быть, более обострены у нас, чем на Западе. Это проблемы и неравенства, и культурной деградации. И это все, в конечном счете, отражается на экономическом росте, на инновационности экономики.

В заключение я хочу подчеркнуть, что действительно у нас нет экономических проблем, у нас есть проблемы в сфере культуры, социальной. Кстати говоря, это не ново. Об этом П. Бурдьё уже писал. У него есть категория «габитус». Что это такое? Это социальные структуры, которые «сидят»

в головах людей, которые человек воспринимает от общества, а потом он через свой мозг влияет на эти новые социальные структуры. То есть получается воспроизводство. Эти вещи достаточно уже известные. А вот существует проблема двух культур, которую должна бы решать наша правящая партия «Единая Россия». Кстати, это очень удачное название, определяющее цель — единство России. Так вот, я за то, чтобы Россия действительно была такой, но надо понимать, что пока она очень разделена и, в частности, в сфере культуры.

Часть 5

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЭКОНОМИЯ И МАРКСИЗМ

Л.И. Абалкин

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ И ТРЕБОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО АНАЛИЗА

Преподавание политической экономии в России началось раньше, чем в Англии. В 1815 г. Андрей Шторх выпустил «Курс политической экономии». Это было на три года раньше, чем родился К.Маркс, и на два года раньше, чем выпустил свою книгу «Начала политической экономии и налогового обложения» Д. Риккардо. Изъятие у нас в начале 1990-х гг. политэкономии из вузовской программы вызвало большое обсуждение в научной среде, поскольку это диктовалось тогда чисто идеологическими соображениями.

Известно, что Маркс написал «Капитал» на примере Англии и очень четко обозначил в предисловии, что это завтрашний день Германии. И она пойдет по тому же пути. Однако история развивается и приносит новые явления и новые формы. Поэтому всегда существуют переходные отношения. Не думаю, что переходные отношения – это явление современности. Это постоянное явление мировой жизни. И данные отношения – это предмет политической экономии. К тому же она сама не изолированная наука, а основное звено обществоведения.

Наука в течение XIX в. быстро развивалась. К концу века возник «экономикс», и наступил буквально кризис политической экономии. Это отразилось и на развитии российской

экономической мысли. В 1904 г. А.Н. Миклашевский писал, что конец XIX и начало XX в. застают политическую экономию в состоянии невообразимого хаоса, вся стройность и логичность прежних теоретических построений разрушена, и иногда представляется, что само существование политической экономики как теоретической науки более недопустимо. П.Б. Струве в 1900 г. выступил с программной критикой основных проблем и положений политической экономики. А в статье «Современный кризис политической экономики», которая написана в начале XX в., он призывал отказаться от классической политической экономики, основанной на идее «естественного закона» и принципах экономического либерализма. Сказано это было более 100 лет назад, но звучит весьма актуально и сегодня.

Теперь об изменениях в мире. Я посмотрел статистику, чтобы представить себе, какие же процессы происходили с 1820 г. По расчетам, население планеты составляло немногим более 1 млрд чел. Сегодня — 6,5 млрд чел. В России в 1820 г. жило 49 млн чел. В 1900 г., в современных границах России — 70,2. Сегодня — 143 млн чел. Интересны данные об объемных показателях. В 1820 г. мировой ВВП, если оценивать в ценах 1990 г., составлял 720 млрд долл. В настоящее время — более 33 трлн долл. Рост в 45 раз. Это на порядок выше.

Можно проследить, что же изменилось в мире, в технологиях, в промышленности, энергетике, культуре, во всем. Возникли качественно новые явления, которые требуют современного анализа. С начала XIX в. количество экономических наук и связанных с ними так или иначе научных дисциплин чрезвычайно возрастает. Даже профессиональные экономисты, работающие в разных сферах, могут не понять друг друга, поскольку говорят на разных языках. Произошла резкая математизация науки. Я ее сторонник, считаю ее важным инструментом в анализе, но она не может заменить внутреннюю логику самой экономики. В вопросах раскрытия содержания экономики математизация — это не прогресс, а топтание на месте, поскольку исчезает сам объек-

ческой экономии. Это отношения между людьми. Их можно трактовать по-разному, группировать, находить переходные отношения. Но именно они были и остаются предметом политической экономии.

Что же осталось от политической экономии и требует современного анализа как в глобальном, так и в локальном масштабах (с учетом всех новых технологий, переходных форм, изменения объектов)? Это следующее:

- воспроизводство индивидуального и общественного капитала;
- тайна прибавочной стоимости;
- диалектика стоимости и цены, поскольку до сих пор эти понятия в сущности не различаются и подменяют друг друга;
- природа ренты, ее современные формы, так как они связаны не с прямыми изъятиями; скажем, субсидии, которые Запад предоставляет своим производителям аграрной продукции, это превращенные формы ренты;
- анализ особенностей национальных и цивилизационных условий экономической и социально-экономической жизни;
- неразработанная проблема сочетания доходов на капиталы как собственность и как функцию — потому что они имеют разную природу, часто сливаются друг с другом и во многом являются одним из факторов, сдерживающих экономический рост в России, когда собственник и управляющий представлены в одном лице, сами себе назначают высокую оплату, бонусы и пр.;
- многоукладность экономики — не как исключительное событие, а как основополагающий фактор современной мировой экономики, где каждая форма собственности находит свою нишу, свое место и развивается;
- качественно новая роль государства. Сейчас нельзя говорить о государстве и рынке вообще. Потому что сегодня роль государства принципиально иная. Это проявляется на Западе, менее выражено в России;

- роль культуры;
- глобализация экономики как объективный процесс и как ее экономические формы, которые отнюдь не адекватны и остаются до сих пор проблемой острейшей борьбы между сторонниками глобализма и антиглобалистами. Такова объективная реальность. И надо бороться не с глобализацией как таковой, а с той формой, в которой она осуществляется в реальной жизни.

Сегодня существует не одна научная школа. Есть их огромное количество в мире, в том числе и внутри России. Это является нормой современной науки. Поэтому никто не имеет монопольного права на обладание истиной. У каждого, в том числе у меня, есть своя позиция, и она имеет право на существование. Поэтому, на мой взгляд, сегодня в принципе невозможно и вряд ли необходимо создание единого учебника по политической экономии.

И в заключение (для придания определенной доли оптимизма) хочу привести высказывание Ш. Жида и Ш. Риста, авторов учебника «История экономических учений», за который они получили премию Парижской академии моральных и политических наук, — нет ничего более губительного для науки, как догматизм, откуда бы он не исходил. И, к несчастью, в этом отношении не свободна от критики ни одна школа и ни одна страна.

М.И. Воейков

МАРКСИЗМ
И ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Политическая экономия в российской интеллектуальной традиции (со второй половины позапрошлого века) была не только набором рекомендаций и указаний — что и как надо делать в народном хозяйстве, но, прежде всего, помогала пониманию этого хозяйства и путей развития общества. Со всей очевидностью это проявилось в дискуссии между народниками и марксистами. С тех пор политическая экономия несет мировоззренческую или философскую нагрузку.

Конечно, это не только русская традиция. И на Западе политэкономия выполняла эту функцию. Как писал в свое время Ж-Б. Сэй, каждый гражданин обязан изучать политическую экономию, если хочет быть активным участником гражданского общества. То есть гражданское общество и политическая экономия генетически связаны. Но сегодня на Западе мировоззренческая функция политической экономии отошла к другим социальным наукам, прежде всего к социологии. У нас же эту функцию продолжает выполнять политическая экономия. Это наша российская интеллектуальная традиция, в которой политическая экономия составляет основу, цементирующий каркас всей системы социальных наук. Речь не идет о собственно экономической науке, где почти всем очевидно, что она составляет ее фундамент. И естественно,

что отмена политической экономии не только разваливает экономическую науку, которая превращается в разрозненный набор различных теорий, методов, кривых и формул, но и делает бессистемной всю социальную науку.

Конец классической политической экономии на Западе, конечно, не есть происки классовых врагов, это объективный процесс изменения западного мира и рыночной экономики прежде всего. Политическая экономия, как известно, изучает отношения людей, прикрытые вещной формой. И дело в том, что эта форма в современном западном обществе истончается и трансформируется, соответственным образом трансформируются функции политической экономии. Сглаживаются и межклассовые отношения. Так, расширение среднего класса не только гасит классовые антагонизмы, но и снимает социальную проблему классового общества, разрабатываемую в марксистской парадигме. Еще в начале XX в. С. Булгаков замечал, что социальный вопрос составляет главную проблему политической экономии. Сегодня его содержание существенно меняется, но еще не изменилось. Трансформируются фундаментальные основы и рыночной экономики. Возрастание роли государства в распределительных процессах (почти половина ВВП распределяется не через рынок), борьба с бедностью и неравенством, огосударствление финансовой сферы принципиально меняют основы рыночной экономики. Так, например, появление и распространение фидуциарных денег выбивает объективную основу из-под рыночной экономики. Конечно, от всего этого проблем становится не меньше, но они уже изучаются в большей мере другими социальными науками. К примеру, фидуциарные деньги – это предмет политической экономии или политологии?

Однако, утверждая, что старое проблемное поле классической политической экономии истончается, тем не менее, надо признать, что оно еще есть и требует политэкономического осмысления. Это относится как к старым проблемам, так и к новым. Например, как понимать и трактовать те же

самые фидуциарные деньги, процент за кредит, ренту, распределение и т.п.? Или возьмем проблему материального производства. Известно, что в данной сфере задействовано все меньше и меньше людей. Куда исчезает материальное производство? Политическая экономия занимается материальным производством (его вещной формой), она же должна объяснять исчезновение последнего.

В поле зрения политической экономии попадают новые процессы, часть из которых даже получила название «новая политическая экономия». Суть этих процессов сводится к распространению политэкономического (или даже экономического) метода исследования на области, которые ранее не являлись ее предметом. По мнению Дж. Бьюкенена, в новую политическую экономию включается: 1) теория общественного выбора; 2) экономическая теория прав собственности; 3) экономический анализ права; 4) политическая экономия государственного регулирования; 5) неинституциональная экономическая теория; 6) новая экономическая история. Приведем названия некоторых работ, опубликованных в последние годы: «Политическая экономия пространства», «Политическая экономия выбора» (общественного выбора), «Политическая экономия терроризма», «Политическая экономия голода», «Политическая экономия демократии» и т.п. Таких работ множество, не все они удачны, но характерная их особенность заключается в том, что авторы стремятся с помощью политэкономического метода исследовать ранее не свойственные ей проблемы.

Еще в начале XX в. М.И. Туган-Барановский предусматривал, что в пострыночном обществе политическая экономия частично превратится в теорию экономической политики, частично — в социологию. Любопытно, что в СССР с конца 1920-х гг. стала развиваться концепция политической экономии «в широком смысле», как бы пригодная для пострыночного общества. Можно также заметить, что данная концепция онтологически весьма близка к «новой политической экономии».

И, пожалуй, самое важное. Сегодня появилось новое проблемное поле политической экономии на границе рынка и нерынка. Тут можно выделить две линии. Первая — есть процессы, отношения и блага, которые по природе своей не имеют рыночного характера, но в силу всеобщности денежной экономики, получают денежный эквивалент и предстают как результат овеществления, т.е. нерыночное благо начинает функционировать как рыночный товар. Другими словами, потребительная стоимость не через меновую, а непосредственно, становится предметом политической экономии, или богатством становятся самопредставляемые вещи. Другая линия — обратная. Многие рыночные продукты (товары) в силу социальных ограничений и других причин перестают быть товарами и выпадают из традиционного рыночного функционирования, например, общественные блага, для которых создается «квазирынок». Все это предмет политической экономии, но иной, нежели классической, которую лучше назвать постклассической.

Меня могут спросить: при чем тут марксизм? На что можно ответить, что он служит как бы переходом от классической политэкономии к постклассической. Марксизм венчает, завершает одну и начинает другую. Он объявил и объяснил конец политической экономии как науки о неорганизованном социальном хозяйстве. Постмарксизм объясняет появление постклассической политической экономии.

С.А. Долматова

ПОЛИТЭКОНОМИЯ И «ЭКОНОМИКС»: СООТНОШЕНИЕ

Появление термина «экономикс» в начале 1990-х гг. в нашей стране сопровождалось дискуссией, нужно ли так его переводить, не лучше ли – «экономическая наука». Вспомним перевод книги А. Маршалла, который был сделан в издательстве «Прогресс» в 1980-е гг., когда «Principles of Economics» был переведен как «Принципы экономической науки». Мне кажется, очень удачно, что термин «экономикс» вошел в нашу экономическую науку, потому что он действительно демонстрирует особую природу этой дисциплины, которая имеет не системный, а прикладной характер. Я помню дискуссию, связанную, в частности, с публикацией учебника К.Р. Макконнелла, С.Л. Брю под редакцией А.А. Пороховского, одного из первых в России, когда высказывались сомнения по поводу использования англоязычного термина «экономикс» в нашей литературе. Мне кажется, что данный термин удачен, потому что он действительно показывает, что существуют рамки между «экономиксом», политэкономией и другими экономическими науками.

Почему это важно? Потому что действительно политическая экономия несет идеологическую нагрузку, мировоззренческую, и она в большей степени, мне кажется, ближе

к социальной философии в связи с системным подходом — вспомним название основной книги Джона Стюарта Милля «Основы политической экономии. Некоторые аспекты их приложения к социальной философии». Этот аспект очень важен, потому что выход из политэкономии есть как в сторону экономической социологии, так и в сторону социальной философии. Кстати, до Маршалла даже математические исследования осуществлялись в рамках политической экономии. Одна из первых книг У. Джевонса так и называется: «Краткое описание общей математической теории политической экономии». Даже маржиналистская революция еще не пыталась выйти за рамки политической экономии. И этот выход как раз произошел уже в рамках кембриджской школы, когда действительно появился новый инструментарий, и именно Альфред Маршалл соединил принципы классической школы и собственные наработки, которые стали называться неоклассикой и стали впоследствии основой учебного курса западных университетов. Вот, собственно, эта наука экономикс заняла у нас в 1990-е гг. непропорционально значимое место.

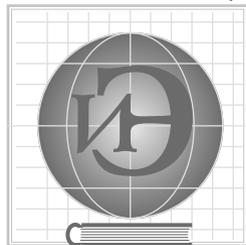
Таким образом, каждая наука решает определенные задачи. Если бы «экономикс» занимал ту нишу, которая ему предназначена как исследованию прикладных экономических процессов, а не стал бы такой самодавлеющей наукой, несущей мировоззренческую нагрузку, может быть, ничего страшного в его преподавании не было бы. Другое дело, что когда внедрялся «экономикс», он действительно стал нести такую нагрузку и навязывался как истина в последней инстанции.

Я, например, помню, как в Высшей школе экономики в середине 90-х гг. даже студенты писали на преподавателей, которые отклоняются от курса «экономикс», пытаются привнести что-то другое, рассказать о каких-то альтернативных подходах. Это действительно было. Догматизм в насаждении «экономикса» сыграл негативную роль, потому что придание слишком большого значения этой дисциплине как раз

и привело к применению его подходов к другим сферам экономической науки.

В последнее время тот интерес, который проявился к политической экономии, связан с мировым экономическим кризисом. Так получилось, что либеральная экономическая доктрина, представленная в «экономиксе», оказалась несостоятельной для анализа нестабильных экономических процессов, т.е. она также показала свою уязвимость. И, мне кажется, это дает шанс для развития политической экономии в новых условиях.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

www.inecon.ru

Карл Маркс: классика и современность (к 200-летию со дня рождения)

Научное издание

Дизайн серии – Валериус В.Е., Ахмеджанова В.А.

Редактор – Ерзнкян М.Д.

Компьютерная верстка – Хацко Н.А.

Подписано в печать 16.04.2018.

Заказ № 14. Тираж 300 экз. Объем 5,7 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭРАН

ISBN 978-5-9940-0622-1

9 785994 006221